

Лев
ПУЧКОВ

**ПРИВЫЧКА
УБИВАТЬ**

СОБАЧЬЯ РАБОТА

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

ЭКСМО

Собачья работа

Лев Пучков

Привычка убивать

«ЭКСМО»

Пучков Л. Н.

Привычка убивать / Л. Н. Пучков — «Эксмо», — (Собачья работа)

ISBN 5-04-006084-X

Мы не воюем с женщинами, детьми, простыми людьми. Не убиваем правдоискателей-журналистов и обыкновенных коммерсантов, по мелочи ворующих друг у друга... Но разве этот мужлан, этот неотесанный Пес с его собаками – один из них? Так почему же он еще жив? И почему я, директор школы киллеров, непобедимый Март, стою перед ним со связанными руками, спущенными до колен штанами и чувствую, как в затылок мне упирается нечто металлическое, судя по всему – ствол... Также издавалось под названиями «Запах жертвы», «Казни своей рукой».

ISBN 5-04-006084-X

© Пучков Л. Н.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лев Пучков

Привычка убивать

Пролог

...Шмяк. Шмяк. Шмяк... Комья жирной земли нехотя падают на медленно растущий неровный холмик рядом с могилой. Промозглая зябь сырого туманного утра первой половины сентября отнюдь не способствует возникновению обычного профессионального куража, без которого любые физические усилия превращаются в малоприятную трудовую повинность. А помимо зяби имеет место еще одно обстоятельство, в корне убивающее какие-либо намеки на вышепоименованный кураж. Вон оно сидит, это самое обстоятельство: жилистое, кряжистое, с мутным взглядом и здоровенным нерусским пистолетом. Денег за неурочный труд оно не даст, однозначно. Каким-либо другим эквивалентом тоже наделять не собирается – предпосылки отсутствуют напрочь. Остается лишь надеяться, что не пристрелит сразу же по окончании работы...

Трофим покосился на своего молодого подручного, глухонемого башкира Саню, и незаметно сбавил темп. Агрессор с пистолетом произвел на глухонемого неизгладимое впечатление: Саня махал лопатой, как хорошо отлаженный землеройный агрегат. Этак, чего доброго, за полчаса в одну лопату выкинет всю потребную кубатуру! А это слишком рано. Нужно потянуть время, чтобы сырой холодный воздух привел агрессора в чувство, проветрил мозги, затуманенные какой-то дрянью, принятой накануне. С трезвым человеком договориться всегда легче, нежели с употребившим «дури»...

Трофим незаметно кольнул подручного уголком заступа в лодыжку – тот покосился, несколько секунд наблюдал за старшим, понял, что торопится, и тоже сбавил темп. Агрессор на саботаж не отреагировал – у него появилось занятие поважнее. В этот момент его спутница как раз начала приходить в себя – холод подействовал – и закатила первую порцию вялой истерики. И что вы думаете? Этот башибузук с мутными глазами и здоровенным пистолетом вместо того, чтобы вклепать своей пассивной сочной затрещину и рыкнуть на нее, вдруг перестал наблюдать за могильщиками и принялся нежно гладить капризулю по головке, шепча на ушко ей нечто ласково-успокоительное. Боже мой, как трогательно! Какой нежный убийца...

...Шмяк. Шмяк. Шмяк... Холмик медленно, но неумолимо растет. Молочный туман. Кладбище. Рассвет без солнца. Где оно? Украсть за ночь не могли – большое. Видимо, залоббированная бандитами Дума дала команду попридержаться: чтобы ночь была длиннее. Ночь – славное времечко для всякого рода мерзопакостных делишек. Везде пишут: утром нашли труп. Или – под утро нашли. Ночью, как правило, никто ничего не находит. А почему нашли? Потому что плохо спрятали: темно, не видно ни черта. Прятать надо получше. А если не умеешь, поручи это дело профессионалам, тогда никто не найдет...

Трофим в такую рань ломать горб не привык. За тридцать пять лет функционирования в кладбищенской структуре он сформировал для себя вполне стабильную систему взаимоотношений с так называемыми «левыми» клиентами. Эти «левые» приезжают за полночь на хороших машинах, вызывают сторожа на улицу и светят в лицо фонарем. Зачем светят? Черт их знает, что за прихоть такая, – но непременно тычут фонариком в морду, независимо от сезона и принадлежности к преступным сообществам Белогорска. Так вот: светят в рожу, дают команду достать труп из багажника. Затем опять дают команду – скрытно захоронить, но чтоб непременно по-человечьи. По-христиански. Не угрожают, ствол под ребра не пихают, не требуют хранить молчание и давать клятву верности. За работу вручают приличные деньги и, удостове-

рившись в выполнении заказа, неспешно убираются восвояси. В общем, ведут себя по-хозяйски, не суетятся.

Вот к какой публике привык Трофим. Которая хочет по-человечьи. По-христиански. Те, которым по-человечьи не надо, своими визитами кладбищенских мужичков не беспокоят. Они оставляют свои неправильно образовавшиеся трупы на месте преступления, на худой конец, отвозят в лесополосу или на свалку и бросают там, как падаль животного происхождения...

Утренние посетители ввергли Трофима в смущение и изрядно рассердили. Приперлись в неурочное время, «обдолбленные» добре, мужик с ходу треснул по роже пистолетом и велел экстренно приступать к внеплановым похоронам. А то замочит обоих (в смысле, дежурного сторожа – Трофима, то бишь, и башкира, который тут же, на кладбище, и жил).

Посетители не были похожи на хозяев жизни, привозивших свои неправильные трупы по ночам. К отморожкам, стреляющим без разбора во все, что движется, они тоже никаким образом не относились. Больше всего они походили на среднестатистических граждан, которые по какому-то недоразумению угодили в беду. В многолетней практике Трофима такие случаи несколько раз место имели, и всегда он бескорыстно помогал бедолагам, у которых на момент возникновения надобности в скрытых похоронах экстренного порядка при себе не оказывалось ни гроша. Потому что добрый он, Трофим, и человечный, несмотря на постоянное общение с потусторонним миром.

Эти двое, несмотря на свою кажущуюся принадлежность к наиболее многочисленной среднестатистической категории законопослушных граждан, на самом деле таковыми не являлись. У Трофима великолепная память на лица. И симпатичной дамочке, что бьется сейчас в нервном припадке неподалеку от могилы, и крепкому мужику с пистолетом, который успокаивает ее, Трофим в недалеком прошлом оказывал услуги. Они, как это часто случается с сильно занятыми своими проблемами людишками, не запомнили похожего на вурдалака редкозубого дядьку – как-то недосуг было. А вот он их срисовал и заприметил. Дамочка, правда, сейчас выглядит по-другому: в тот раз она являла собой образец целеустремленной деловой женщины, твердо знающей, что ей нужно, а в настоящий момент больше похожа на прибитую кирпичом мокрую кошку. Но это понятно – беда сейчас у нее, горе. Горе, как известно, не красит...

Что за услуги оказывал Трофим этой парочке? Да ничего особенного: за стандартное вознаграждение могилку откапывал и гроб вскрывал. Хотели ребятки на покойничка посмотреть. Бывает, знаете ли. Сидит себе человечиска, попивает кофе с сливками, вдруг бац! – что-то в башку стукнуло. И ломанулся на кладбище, бросив все дела. Покойника смотреть. Ага. Ну, это их личное дело – лишь бы деньги платили. А запомнились вот почему: приезжали в разное время, вроде бы каждый сам по себе. А могилку просили вскрыть одну и ту же. Согласитесь, это уже интересно. Уже интрига. Такие штуки запоминаются.

Так вот, теперь обиженный и рассерженный Трофим решил, как говорит наша молодежь, «приколоться» над странной парочкой. Прикол, правда, больно рискованный – за такие намеки запросто могут жизни лишиться, ежели допрут несвоевременно. Но когда ежедневно общаешься с покойниками, а через двое на третьи сутки ночуешь на кладбище, чувство здорового страха перед лицом смертельной опасности закономерно атрофируется. А могильные шутки такого рода становятся явлением если и не обыденным, то вполне допустимым...

Симпатичная дамочка вот так с разбегу успокаиваться не желала. Била кулачком своего спутника по плечу, заторможенно мотала головой, пальчиком тыкала в сторону коврика и хрипло, с подвывом, причитала. Спутник – который агрессор – пребывал в растерянности. Пистолет положил на землю, обнял дамочку обеими руками, неловко тряс ее, как разоравшееся грудное беби, бурчал что-то скороговоркой – типа, успокойся, радость моя, скоро все кончится.

Воспользовавшись попустительством надзирающего, Трофим моментально обнаглел: вообще перестал копать, потащил из кармана «Беломор» и, закурив, принялся с интересом наблюдать за свалившимися на его голову «клиентами». В пятнадцати метрах отсюда, у гра-

ницы элитарного сектора, осталась потрепанная «Нива», на которой приехали «гости». В «Ниве», на заднем сиденье, свернувшись калачиком, спит пацан лет десяти-двенадцати. Мальчишку эти проходимцы тоже чем-то угостили: такая возня была, шум, а он даже глазом не моргнул, сопит себе с присвистом. Там же, на заднем сиденье, только у другого окна, сидят две здоровенные страхолюдные псины с лохматыми мордами. Втроем на заднем сиденье некомфортно – тесноват салон у «Нивы». Тем не менее псы терпят лишения дисциплинированно – не скулят, сидят тихо, только таращатся с любопытством в окно. Шерсть на лохматых мордах торчит во все стороны сосульками, как будто накануне псов окатили чем-то липким. Глаза шалые – создается такое впечатление, что нерадивые хозяева, сами употребившие ударную дозу «дури», и собак ширнули за компанию. Сволочи, не люди!

Так, теперь коврик. Коврик достали преждевременно. Опытный в таких делах Трофим сразу предупредил агрессора: давай сначала выкопаем могилу, потом достанем коврик. Дабы не возникло проблем. Агрессор доводам не внял – не в том состоянии был. Результат налицо. Коврик – точнее, ковер, что-то около два на три, свернутый в толстый рулон и некрасиво подогнутый на треть – в багажник пихали, лежит рядом с могилой. Лежит неровно, из него подтекает, и всем это видно – в том числе и дамочке. Вот вам и истерика. Слушаться нужно опытных людей! Пистолетом по роже бить вы все мастера...

– Чего вылупился?! – Агрессор на миг выпустил даму из объятий и сурово прикрикнул на произвольно покуривающего Трофима. – Работать!

– Не гони, начальник, – миролюбиво прищурился Трофим, пуская из ноздрей рваный клоч сизого дыма. – Ща перекурю, потом по-быстрому...

– Работать, я сказал! – грубо оборвал агрессор, подбирая пистолет и направляя его на Трофима. – А то я тебе сейчас устрою перекур!

– Замочишь? – живо поинтересовался Трофим, внимательно наблюдая за выражением глаз агрессора. – А мочи. Вас тут много ходют – таких вот. И все замочить могут. Мочи – сам копать будешь!

Башкир сути разговора не уловил, но, мельком глянув на сердитого посетителя, понял, что пахнет жареным. И тут же удвоил усилия – замелькал лопатой, словно компенсируя простоту старшего. Только укоризненно покачивал квадратной башкой: мол, рисковый ты дядька, Трофим, с огнем играешь!

– Не будешь, значит, работать? – зловеще понизил голос агрессор.

– Почему не буду? – все так же миролюбиво удивился Трофим, нахально выдувая дым из волосатых ноздрей. – Ща докурю, и по-быстрому сварганим тебе кубатуру. Ща, не гони – успеем.

– Ладно, перекуривай, – неожиданно сдался «гость», опуская пистолет. – Только живее – время поджигает.

– Не бойсь, успеем, – подмигнул Трофим, выдувая в природу особо сочный клуб сизятины. – Мастера, как-никак – живем этим...

Вот так, прав оказался пожилой могильный червь. Час назад парень выпростался из машинного тепла, ничего не соображал, опасен был и непредсказуем. А сейчас доспел: быстро протрезвел на холодке, обрел нормальные человеческие черты и, судя по всему, готов идти на уступки.

Трофим довольно крикнул и потер заскорузлые ладони. Ага! Есть возможность сорвать куш и не делиться при этом с заведующим. Это ведь только на непросвещенный взгляд может показаться, что дежурный сторож с подручным по своему произволу развлекаются по ночам такого рода внеплановыми работами, зарабатывая себе на пол-литра. На самом деле каждая двойная могила находится на учете у заведующего: у него даже схема есть, которая сама по себе наверняка имеет большую практическую ценность для определенной категории граждан. Нет, заведующий – старый еврей Либерман – никогда не интересуется: кто приезжал, кого привезли,

при каких обстоятельствах и так далее. Любопытствовать подобным образом крайне опасно: грустный пример троих предшественников Либермана до отвращения красноречив и убедителен. Заведующий – умный мужик, он просто сообщает сторожам, какие могилы уже давно не посещают родственники усопших. Заметьте – никакого намека на криминал. Не посещают, и все. Сектор три, второй участок – такие-то и такие-то. Забыли сыновний долг. Если вдруг что – я ничего не знал, сторожа сами. Ага. А по утрам, приходя на работу, лениво интересуется: как там у нас дела? А, взносы на строительство храма! И опять благодарные посетители в ящик с дыркой опустили, что на входе стоит? Ну, давайте, куда от вас деться. Давайте-давайте, передам в приход. А третий сектор, говорите, кто-то навещал? Ну, отметим. Молодцы. Возобладало-таки чувство к усопшему родителю над меркантильными сиюминутными интересами. Ага...

Вот так. А могилку, что сейчас оскверняет Трофим с глухонемым башкиром, заведующему можно не сдавать. Железное правило Либермана гласит: не использовать для «левых» захоронений могилы, которые хотя бы единожды вскрывались для эксгумации. И Трофим обычно всегда придерживается этого правила. Но в настоящий момент можно сделать исключение. Могилка эта – ОСОБАЯ...

...Через некоторое время штык лопаты башкира глухо стукнул по дереву. Глухонемой почувствовал разницу, замер на секунду и поднял глаза на старшего.

– Все нормально, – жестами успокоил подручного Трофим. – Стрелять нас пока не собираются. Подчищай... – и полез из могилы, опираясь на лопату.

– Что? – встрепнулся «гость». – Опять курить?!

– Закончили, – лаконично бросил Трофим, приближаясь к коврику и по привычке разминая плечи. – Ты б ее отвел в машину, – он кивнул в сторону дамы, которая тихо всхлипывала и раскачивалась, пытаясь унять ознобную дрожь. – Ща поташу – опять разорется. Увел бы? Тут делов осталось на десять минут.

– Я никуда не уйду, – пискнула дама, тревожно всхлипнув. – Я хочу посмотреть, как вы положите...

– Как-как! – буркнул Трофим, наклоняясь и хватая ковер за подогнутый конец, более чистый на вид. – Как всех – ногами к кресту. Ну, в смысле, к камню. Ну, поехали, родимый!

«Родимый» оказался легче, чем ожидалось. Трофим рванул, примериваясь на средней упитанности мужика, не рассчитав усилие и первые три шага смешно пятился пробежкой.

– Недомерок какой-то, – буркнул сторож, подтаскивая ковер к могиле. – Или баба?

– А гроб? – внезапно озарилась истеричка. – Вы что, так и положите – в ковре?

– Тьфу, ядри ее в корень! – досадливо сплюнул Трофим, присаживаясь на корточки рядом с ковриком и отирая потный лоб. – Ну и где мы те ща гроб достанем?

– Нету гроба? – с тоской в голосе поинтересовался агрессор, даже не предприняв попытку унять свою распоясавшуюся пассиву. – Может, какой-нибудь завалялся? Ну, бракованный там, или как... А?

Трофим отрицательно помотал головой и опустил взгляд – отчего-то вдруг неловко стало, что соврал. Да, зажал гроб сторож. На веранде похоронного бюро, что отстояло всего-то на триста метров от ворот элитарного сектора, сохли семь стандартных домовин для простого смерда. Запросто можно было бы сходить туда с башкиром и притащить. Но – жалко. Плотникам надо будет деньги отдавать, а получится ли снять с агрессора плату – бабушка надвое сказала.

– М-м-м! М! – замычал вдруг из могилы башкир, оживленно размахивая руками и кивая в сторону бюро. – М-м-м!!!

– Чего это он? – насторожился «гость» с пистолетом.

– Да по башке трахнутый, глухонемой! – досадливо скривился Трофим: судя по выражению лица, башкир понял, чего хотят «гости», и неожиданно решил оказать им безвозмездную помощь. Не иначе, с перепугу, бедолага!

– Глухонемой, говоришь? – отчего-то обрадовался агрессор и принялся строить Сане упорядоченные гримасы, быстро мелькая пальцами у лица. Башкир часто закивал, ощерился в улыбке и давай семафорить в ответ с такой же скоростью. Трофим, общавшийся с глухонемым не первый год, ничего из этой невербальной скороговорки не понял, обиделся и раздраженно потащил из кармана «Беломор».

– Он принесет гроб, – сообщил агрессор пару минут спустя – башкир выкарабкался из могилы и вприпрыжку припустил к похоронному бюро. – Я дал ему пять минут. Плюс минута – резерв. Если твой подручный не управится за это время, я буду считать, что он удрал, и... в общем, буду вынужден тебя убить.

– Совсем чиканулся?! – обескураженно воскликнул Трофим. – Как он тебе в одиночку домовину припрет за пять минут? Она ж тяжелая! Да и крышка там! Он тебе все это добро полдня тащить будет!

– Он сильный, – невозмутимо заявил «гость». – Я не настаивал – он сам вызвался. А двоих я вас отпустить не могу – сам понимаешь...

Башкир успел. Не прошло и пяти минут, как со стороны ворот показался накрытый крышкой некрашенный гроб, неспешно плывущий по аллее на могучей спине глухонемого.

– А... – разинул было рот Трофим, оборотившись к агрессору.

– Я ему сказал, чтобы веревку тоже принес, – предвосхитил возможный вопрос «гость» и мрачно подмигнул совсем уже протрезвевшим глазом. – Ты не переживай – все будет нормально.

– Хорошо – гроб, – деревянным голосом напомнила о себе вроде бы слегка успокоившаяся дамочка, таращась остекленевшими глазами на Трофима с башкиром, отдиравших наживленную гвоздями крышку. – Это хорошо... Это по-нормальному... Почти что по-нормальному... Это...

– Увел бы, – угрюмо буркнул Трофим, не глядя в сторону парочки. – Гляди – в ковре не ползет, разворачивать будем. Опять истерику закатит.

– А вы попробуйте, может, ползет, – не послушался агрессор. – Гроб большой, а труп... гхм-кхм... ну, в общем, попробуйте.

– Чего тут пробовать! И так видно... – возразил было Трофим, но, напорвшись на непреклонный взгляд мужика с пистолетом, безнадежно махнул рукой и кивнул башкиру: давай, раз-два, взяли!

Прав оказался сторож, не подвел наметанный глаз. Коврик в домовину помещаться никак не желал – как взяли, так и положили обратно.

– Я ж сказал! – бросил Трофим. – Ну и что теперь? Уводи, будем разворачивать.

– Я никуда не пойду! – хрипловато взвизгнула дамочка, отталкивая своего спутника, который попытался было поднять ее с земли. – Я хочу видеть, как вы положите!

– Давай разворачивай! – скомандовал агрессор, обнимая дамочку и таким образом пытаясь перекрыть ей сектор наблюдения. – Давай – только быстро, на три счета!

Могильщики резво развернули ковер. Внутри оказался щедро залитый кровью труп молодой, изящно сложенной женщины в изорванном пеньюаре на голом теле.

– От бля, изверги – такую красоту загубили! – тихо ругнулся Трофим, подхватывая труп за ноги и кивая башкиру, чтобы брал под мышки – грязная работа молодому, положено так. – Вы что ее – зубами грызли?! – сказал, не подумав, и осекся – медленно перевел взгляд на двух липких псов, выглядывающих из «Нивы».

– Ну ни хера себе... – выдохнул сторож, осторожно укладывая свою половину в гроб, и, стараясь не смотреть в лицо покойницы, потянулся за крышкой. Трофим никогда не смотрел на лица «клиентов» – старики учили, что следует избегать этого, а то сниться будут.

Башкиру Трофим в свое время также разъяснял, отчего не стоит глазеть на лики умерших, но Саня был еще молод, глуп и наставлениям старших, как это подчас случается в таком возрасте, внимал без должного прилежания. Поместив свою половину в деревянное ложе, он тоже было потянулся за крышкой, как это сделал начальник, но несколько замешкался и, воспользовавшись случаем, не преминул рассмотреть мертвую женщину. Любопытство обуяло. Тело молодое, прелестное, приковало взор ущербного парня – даром что в посмертном слепке страшной агонии застыло тело, а ведь не утратило от этого какой-то нездоровой, специфической привлекательности!

Да, зря он это сделал. Не стоит смотреть на лица умерших, если в этом нет крайней необходимости. Нужно следовать советам старших, даже если эти советы тебе преподносят в форме корявой жестикуляции, далекой от совершенства...

Несмотря на то что гортань покойницы была размозжена, а тело ниже уровня шеи сплошь залито кровью, лицо ее практически не пострадало. Саня три раза хлопнул густыми ресницами, всматриваясь в это лицо, озабоченно нахмурился и перевел взгляд в сторону дамочки-истерички, которая упрямо высовывалась из-за плеча мужика с пистолетом, пытавшегося загородить от нее погребальное действо.

– М-м... – Башкир встретился взглядом с дамочкой, поперхнулся и, побледнев, как внутренность кокоса, начал вдруг хватать ртом воздух, будто его внезапно поразил приступ астмы.

– Ну че ты застрял?! Слюной подавился, что ли? – досадливо воскликнул Трофим, заметив некоторое несообразие в поведении своего подручного, и, ничтоже сумняшеся, гулко хлопнул его широченной ладонью промеж лопаток.

Башкир утробно икнул, пришел в себя и, ухватившись за противоположный конец крышки гроба, на автопилоте принялся помогать старшему. В сторону парочки, давшей им работу, он более смотреть не хотел, так же, как не желал заглядывать в лицо покойницы. Отпала охота...

Когда работники придали могильному холмику подобие прямоугольника, мужик с пистолетом вздохнул с облегчением и, приблизившись к надгробному камню, поинтересовался:

– Могилка-то чья? Ну, в смысле, если это... ну, если мы захотим навестить, или... – Он не договорил, отчего-то смутился и протянул руку, чтобы сорвать Трофимову фуфайку, умышленно наброшенную на камень так, чтобы скрыть надпись.

– Это пустая могилка, – напрягшись, соврал Трофим и втянул голову в плечи: сейчас его «прикол» может вылиться в самые непредсказуемые последствия. – У нас тут много таких – резервных. А на камне можно выдолбить все что угодно. Скажи – что, мы сделаем.

– Пустая? – Мужик опустил руку, пожал плечами и, растерянно оглянувшись на свою спутницу, спросил: – Что написать-то? Или не стоит?

– Стоит, – упрямо поджала губы дамочка. – Пусть напишут: «Здесь лежит Ли». Две буквы. «Эл» – «и». Понятно?

– Понятно – Ли... Корейка, что ли? – уточнил Трофим.

– Тебе какая разница? – Мужик сунул пистолет за ремень и пошел к своей спутнице. – Напиши, что сказали, дурных вопросов не задавай... Пошли, солнышко мое, нам нужно спешить. Хватит смотреть туда – все уже. Все, все – вставай...

На этот раз дамочка противиться не стала: послушно поднялась, дала мужику обнять себя и потопала к стоящей на аллее «Ниве», не оглядываясь.

– Пять штук с вас. За срочность, – буднично бросил им вдогонку Трофим и опять втянул голову в плечи: как-то отреагирует агрессор?

– Нету денег, дядя, – извини, – не останавливаясь, бросил через плечо мужик с пистолетом. – Как-нибудь в другой раз.

– Другого раза может и не быть, – нравоучительно заметил Трофим и, моментом обнаглел, предложил: – А вот пистолет у тебя... Чужой пистолет, судя по всему. Ну видно: не идет он тебе. Импортный, дорогой. А с чужим пистолетом нехорошо – мало ли... А? А то не по-христиански так. Не по-людски. А?

– Совсем оборзел, фимоз? – Мужик остановился, несколько секунд сверлил взглядом морщинистый лик пожилого сторожа, затем как-то неопределенно хмыкнул, выдернул пистолет из-за пояса и, вылушив обойму из рукоятки, бросил красивый кусок металла на аллею.

– Возьми, дядька. Пусть будет все по-человечьи. Зла не держи за грубость – маленько не в себе был, сам понимаешь...

Проводив взглядом «Ниву», Трофим подобрал пистолет и, взвесив его на ладони, сунул за пазуху. Получилось! Могильщик понимал толк в ценах на оружие: неоднократно приходилось продавать взятые с «левых» трупов стволы, время такое. Ствол классный – потянет как минимум на штуку баксов. Не зря работали, терпели унижение и страх от агрессора. И вообще: все сегодня получилось как задумал – хотя могли запросто шлепнуть как минимум пару раз: в самом начале, когда еще под кайфом были, и при конце, если бы вдруг обнаружилось, что за могилку им предложили...

Трофим вернулся к могилке, показал башкиру жестом: собирай инструмент, уходить пора. Затем стянул с надгробного камня фуфайку, набросил на плечи и задумчиво прищурился на выбитую на граните витиеватую надпись: «Толхаев Григорий Васильевич, 1956—1998 гг.».

– Покойся с миром, дочка, – тихо буркнул сторож, направляясь вслед за башкиром прочь от могилы. – Никто тебя не потревожит – ни хера мы тут писать не будем. Обойдутся...

Глава 1

В трехкомнатном люксе «Европы» – лучшей представительской гостинице Белогорска – висел на двери человек. Дверь была межкомнатная, человек весил пудов пять как минимум, болтался уже вторые сутки, и петли повело: теперь распахнутая дверь краем нижнего обреза упиралась в пол, и с места ее сдвинуть было невозможно. Висел человек... Казалось бы, подумашь, висит себе и висит: в последнее время каждый второй суицидер цепляет ремешок на дверь, чтобы в последний раз подрыгать ногами – лень им, паразитам, люстру снимать! Но в данном случае речь шла не о стандартном самоподвешивании: человек был жив, умирать совсем не хотел, а на дверь его приспособили нехорошие люди – силком, не спросив на то его соизволения.

Звали человека Рома, имел он от роду тридцать пять лет и в недавнем прошлом был хорошо известен всему криминальному миру Белогорска (а это вам не хухры-мухры, Белогорск – областной центр с двухмиллионным населением, люди здесь живут по большей части не бедные, и каждый двадцатый, если верить статистике, вор или бандит).

Рома был ближайшим доверенным лицом тутошнего вора Коша, которого недавно ликвидировали в рабочем порядке. Сначала взорвали оборонительной гранатой, а потом для верности сделали контрольный выстрел в голову. На дверь Рому подвесил приехавший в Белогорск для «разбора» вор Турды, и сделал он это вовсе не из садистских наклонностей, каковые, несомненно, «центровому» авторитету в известной степени были присущи. Просто Турды был обязан досконально разобраться в обстоятельствах происшествия и выяснить, как все случилось на самом деле – а Рома оказался сильно виноват. В чем? Да в том, что совершенно случайно остался в живых, когда должен был умереть вместе со всеми, а теперь, вместо того чтобы на ходу «лепить» красивую и правдоподобную «отмазку», выложил новому вору всю правду...

– Ну что, Рома, ты еще не дошел? – по-отечески ласково поинтересовался Турды, поправляя подушку и удобнее устраиваясь на диване.

– Форшмак козлийный! Пропало твоё очко – я те отвечаю. Ар-р-р... – неожиданно прохрипел подвешенный. – Сними, я больше... больше...

– Больше не будешь фуфло гнать? – живо подхватил вор. – Так я понял?

– Больше не хочу висеть! – просипел Рома и, закатив глаза, начал тонко подвывать, судорожно потряхивая чудовищно распухшими от битья ступнями. – Снимите, суки! Мне пора гулять! Положено гулять, положено! В распорядке прогулка есть, на опросе хозяину будем жаловаться! А-а-а-а!!! Выпустите – западло с ментами в одной хате! Выпустите...

– Кажется, дошел, – удовлетворенно пробормотал Турды. Тактика допроса, избранная им, оказалась правильной.

Мытар¹ ь подвесил Рому на двух простынях по всем правилам палаческого искусства: несмотря на страшное напряжение тела, причинявшее жертве и безо всяких пыток ужасные страдания, циркуляция крови в организме не нарушалась, что являлось важным условием для продолжительного допроса. Повисев немногим более суток, Рома впал в коматозное состояние: за это время его многострадальную плоть умело рвали клещами, прижигали каленым железом, терзали крючковатыми иглами и жарили сетевым электротоком. Видавший виды уголовник первые несколько часов страшно страдал: во-первых, обидно было до слез, что так с ним обращаются свои же братья-бродяги, и самое главное – ни за что! До того обидно, что рычал как зверь и хотел всех погрызть – в связи с этим свита «вора» для усмирения сильно отлупила собрата по ремеслу. Во-вторых, мытарь «вора» по кличке Малой – маленький шустропиздый мужичок с умненькими глазками на смуглом рябоватом лице – свое дело знал в совершенстве

¹ Мытарь – палач (*жарг.*).

и сноровисто, шаг за шагом, по капельке, выжал из тела жертвы всю боль, на какую оно оказалось способно.

Правильно его повесили на дверь – ребята опытные, понимают, что к чему. Внизу Малой расстелил большой кусок целлофана, края загнул коробочкой, зажигалкой проплавил и приклеил – Рома сначала не понял, для чего это. Такими штуками в Белогорске не баловались, если кого и допрашивали с пристрастием, то по-простому, по-домашнему: били повсеместно, пока не сознавался, на худой конец, маленько рвали не те зубы вместе с деснами дантистскими приспособлениями (покойный мытарь Штырь горазд был на такого рода дела) или тривиально пихали паяльник в задницу. Бывало так, что допрашиваемые от сильной боли писались и опорожнялись кишечник – так для этого штаны есть, целлофан-то зачем?

Целлофан Малой не зря положил – в этом Рома убедился спустя несколько часов. За это время его сильное сытое тело, невыносимо страдая от дикой боли, отдавало как минимум с десяток литров жидкости: кровью, едким потом, вязкой слюной, мочой и экскрементами. Умненький мытарь Малой – видать, не один десяток людишек на двери заморил, исчадие ада – каждые полчаса подносил к губам жертвы полную кружку с водой, приговаривая:

– Пей, касатик, пей, – тебе еще долго висеть...

Попойт, брызнет остатками воды в лицо, и опять тупыми клещами за оголенную мышцу – цап! Дико кричал Рома, заходясь от боли и бессильной ярости, переполнявшей душу. Ссученных всегда люто презирал, но в этот раз горячо молил своего воровского бога, чтобы кто-нибудь услышал снаружи его вопли, вызвал ментов и те прекратили бы это целенаправленное надругательство над плотью. Напрасные надежды: трехкомнатный люкс как раз и оборудовали для «новорусских» любителей оторваться на полную катушку. На полу – ковры с высоким ворсом, потолок и стены отделаны стилизованным под дерево звукоизолирующим материалом, двойная дверь с тамбуром, окна опять же с такой шумовой изоляцией, что закрой его – и грохот танка на улице не услышишь. Бывало, в таких номерах всю ночь напролет гудела разухабистая компания, песняка давили хором, отплясывали голяком на столе, девки визжали, как резанные, – а соседи по коридору спокойно спали, и не подозревая, что рядом кто-то этак бурно развлекается. Так что, кричи не кричи – один черт, никто и не почешется...

Турды и трое его подручных на зловоние, издаваемое Ромой, внимания не обращали – люди бывалые, привыкшие ко всему. Сидели в одной комнате, «работали», выбивая из жертвы правду, тут же ели, отдыхали, смотрели телевизор и забивали «косяка». Вот только что баб не таскали в номер: бабы – лишние свидетели.

Но всему есть предел. Терзаемая плоть перестала должным образом реагировать на механическое воздействие – привыкла плоть, притерпелась. Наступил такой момент, когда психика жертвы достигла порога полной истощенности, жертва больше на боль внимания не обращала, а впала в меланхоличную галлюцинаторную истерику: висела себе потихоньку, с головой утонув в океане страданий, несла полную околесицу и никак не реагировала на окружающий мир. Момент этот как раз и пришелся на утро вторых суток с начала экзекуции.

– Ну-ка, попробуй, – Турды кивнул мытарю и ткнул пальцем в сторону висящего.

Малой взял со стола щипцы, приблизился к жертве. Зацепил торчавший из рваной раны на передней поверхности бедра измочаленный фрагмент обескровленной мышцы, потянул. Рома вяло дернулся, вскинул голову и, глядя перед собой пустыми глазами, неожиданно продекламировал речитативом:

– А про волыну, че тебе я подарил, мне рассказали люди на командировке. Ее таскать теперь накладно и неловко, ведь той волыной кто-то Коша завалил...

– Ништяк, – Турды подмигнул мытарю и распорядился: – Снимайте. Ташите в ванную, мойте, дыры обработайте. Но сначала уберите из-под него эту парашу и распакуйте окна – пусть проветрится.

Подручные принялись за работу. Турды поудобнее растянулся на диване, потянул из пачки готовый слабенький «косяк», задымил и принялся размышлять.

Размышления были нерадостными. Белогорск – определенная «сходом» вотчина для Турды – встретил его крайне неприветливо. Куда ни сунь, везде афронт, что вполне закономерно, когда устоявшаяся система взаимоотношений вынуждена принимать в свои ряды насильственно навязанного ей чужака. Предшественнику его – Кошу – было не в пример легче. Он родился и вырос в Белогорске, здесь учился в школе, впервые сел на «малолетку», здесь получил второй срок – уже на «взросляк», – здесь же «трудился» всю оставшуюся жизнь и заработал непререкаемый авторитет матерого вора. Белогорская «община», возглавляемая Кошем, являлась своего рода уникалом среди других подобных образований России. Во-первых, вся местная блатота была образована в довольно жесткую структуру по примеру современных бандитских ОП² Г, беспрекословно подчинялась «папе» и, имея в своем составе много активных «бойцов», составляла таким образом серьезную конкуренцию не только областным бандитам, но и любому другому криминальному сообществу даже в более крупных городах Федерации. Во-вторых, покойный ныне Кош являлся полноправным членом некоего сообщества, именуемого в обиходе наблюдательными гражданами Белогорска не иначе как Первый Альянс. В сообщество сие входили два самых богатых и влиятельных человека области – банкир и газонефтепереработчик, а также лицо, напрямую связанное с эшелонами верхней власти, – хозяин объединенного ЧОП «Белогорпроект», он же единственный и горячо любимый сын губернатора (и тоже ныне покойный, увы). Хороша компания? Вор, два миллионера и тотальная «крыша» – губернаторский сынок, у которого, ко всему прочему, под рукой постоянно имеются обученные вооруженные люди, зарегистрированные по всем правилам разрешительной системы. Представляете, какое положение в обществе занимал этот так называемый Первый Альянс?

Прибыв в Белогорск, Турды, как полагается, первым делом произвел рекогносцировку на местности, включавшую сбор информации и знакомство с персонами. Узнав о существовании Первого Альянса, новый вор – ярый приверженец рациональной логики – пришел к выводу, что в природе областного центра присутствует также и Второй Альянс. В противном случае люди не стали бы так обзывать лидирующее сообщество, говорили бы просто: банда, верхушка, мафия и так далее. Так оно и оказалось: сообщество № 2 также существовало, в состав его входили опять же два богатых человека – коннозаводчик и владелец фармацевтического комбината, представители местной прокуратуры и предводитель самой крупной бандитской группировки Белогорска. Два этих сообщества функционировали параллельно, между ними постоянно происходили разнообразные трения на грани возникновения открытой военной конфронтации, но до недавнего времени в регионе явно доминировал Первый Альянс. У этого образования все было на порядок выше, нежели у супостатов: финансы, силовые резервы, влияние и власть. Но только до недавнего времени... Обострившаяся конфронтация между сообществами и непонятное вмешательство какой-то третьей силы существенно сместили расстановку акцентов: с одной стороны, были убиты вор и сын губернатора – «силовик» и «крыша», с другой – «фармацевт» Толхаев. Помимо всего прочего, Второй Альянс попал на большие деньги, и до сих оставалось загадкой, кто конкретно их «кинул» – то ли та самая пресловутая третья сила, то ли кто-то из Первого Альянса.

Одним словом, на данный момент в неформальной областной табели о рангах имел место зыбкий паритет. И новоприбывший вор собирался его порушить. Но сначала необходимо было завоевать соответствующий статус и любыми доступными способами выбить у сильных людей Белогорска уважение к своей персоне. Потому что попытка утвердиться обычным порядком

² ОПГ – организованная преступная группа (аббр.).

неожиданно сорвалась – в этом плане у Турды возникли серьезные проблемы, о которых его никто не предупредил.

– Кто ты? Вор?! А почему на свободе? Вор должен сидеть в тюрьме! – вот так неласково встретил нового пахана Николай Алексеевич Пручаев, председатель правления «Белогорпромбанка» и его фактический хозяин, признанный специалист в области финансовых махинаций, глава так называемого Первого Альянса.

– Вы с Кошем дела делали, – растерянно вымолвил Турды; не ожидал он, что с вором могут обращаться так непочтительно. – Теперь его не стало. Я буду вместо него: ну, «крыша» там, проблемы какие, может, наезжать кто станет... В конце концов, меня сюда российский сходняк поставил – в Минводах «стол» собирали!

Пручаев посмотрел на собеседника, как на тяжелобольного, и походя истоптал его самолюбие, умудрившись при этом не оскорбить, проявив незаурядное владение информацией – знал, сволочь, как себя вести с подобной категорией:

– Извини, братец, но в этом городе ты пока никто. Охрана у меня есть, проблемы решаю сам. Какие могут быть наезды? Разве что если ты наезжать станешь, чтобы показать свою нужность. Так это не проблема. Будешь неправильно себя вести, я звякну кое-куда – а я не последний человек в Федерации, – и тебя быстренько поправят. Как раз те же, кто тебя сюда и определил. И потом: если меня правильно информировали, тот же самый сходняк в Минводах и короновал тебя – до этого ты вором не был. Так, нет? Можешь не отвечать – сам знаю, что так...

– Какая разница, когда короновали? – с немалой досадой воскликнул Турды – банкир попал в точку, новый пахан Белогорска был ни разу не тянувшим срок скороспелым «апельсином», которого возвели в ранг по рекомендации московских воров. – Вор, он и есть вор!

– Согласен. Несмотря на веяния времени и явный для всех архаизм воровских «законов», эта «должность» до сих пор имеет довольно высокую котировку на рынке услуг. Вор – это фигура. Это солидно, это своеобразный капитал, это очень нужный человек, расположения которого ищут многие сильные мира сего. – Пручаев развел руками и помахал вокруг себя, показывая, какая, по его мнению, это должна быть здоровенная фигура – вор. – Но... но ты сначала стань им, братец. Прояви себя, чтобы о тебе люди заговорили, чтобы все знали – эмм... как там тебя? Ага, вот – чтобы все знали: Турды сказал то-то и то-то, значит, так и будет – его слово закон! Ты хозяином стань, братец. Капиталистом. Тогда я сам приду к тебе и попрошу стать партнером. Тогда я буду твою толстую черную мошну перелицовывать в белоснежный кредит. А пока – извини, ты мне не нужен...

Примерно такой же отлуп получил Турды от другого члена Первого Альянса. Иван Владимирович Логвиненко – генеральный директор регионального отделения РАО «Газпром», председатель правления ЗАО «Белогоргазоконденсат», в отличие от банкира, красноречием не страдал. Он долго и внимательно смотрел на визитера, затем почесал за ухом, сочно зевнул (Турды явился после обеда – как раз такое время, что ну их в задницу, посетителей всяких, – поспать бы часок!) и недоброжелательно уведомил:

– Ты не по адресу, парень. Ну ты сам подумай, какая может быть связь между «Газпромом» и уголовниками? – А потом выслушал доводы вора, полностью их проигнорировал и на всякий случай предупредил: – Ты делай что хочешь – мне без разницы. Но смотри: начнешь «левый» бензин из Ингушетии гнать, тебя тут же поправят – и не отсюда, а оттуда, – и потыкал пальцем в потолок, нажал на кнопку и благообразно сложил руки на груди, прикрыв глаза. – В общем – хао, я все сказал, Бычий Куньк.

Вошли двое здоровенных мужланов в хороших костюмах, но с физиономиями отъявленных негодяев, и вежливо выпроводили Турды прочь.

– Тутушние фраера до того борзые – удержу нет! – пожаловался он своему подручному – Малому. – Еще толком перетереть не успели, а они уже поправлять меня мылятся. «Тебя поправят!..» Оборзели, отморозки, – я прямо не знаю! Ну ничего – я им устрою...

Предводитель местных бандитов – Улюм – появление новоявленного пахана встретил без должного почтения и разговаривал с ним самым неподобающим образом.

– Какой общак, братуха? Ты че, в натуре, ханки объелся?! Вы у нас хапнули три с половиной «лимона» баксов – это если до кризиса считать, – вот вам и взнос в общак на сто лет вперед. Ну ты прикинь – вся городская братва полгода вкалывала, да че там братва – большие люди свои бабки положили, что за полгода заработали... Ты прикидываешь? А Кош с одним козлом – Пес такой тут был – взяли и всех кинули. Ну какие после этого могут быть терки насчет общака? Да за такие штуки надо на месте петушить, как это у вас на зонах делают.

– За базаром не следишь, – жестко указал бандиту Турды. – Вор и козел в одной упряжке не ходят, зря ты так сказал. И я не понял – кого ты там петушить собирался? Вора?! Следи за базаром. А то ответить придется.

– Перед тобой, что ли? – Улюм посмотрел на вора тяжелым взглядом, и Турды вдруг засомневался – а правильную ли линию поведения он избрал? Нонешние бандиты на «закон» повсеместно кладут с прибором, они живут по своим понятиям, суть которых можно изложить в одной фразе: сильный всегда прав. Авторитетом здесь он пока обзавестись не успел, решил действовать нахрапом, полагаясь на всеисилие титула. А титул, как выяснилось, только тогда внушает раболепное поклонение, когда за ним стоит конкретная сильная личность, не раз доказавшая свое могущество.

– Ладно, замнем, – буркнул вор – не пожелал обострять конфронтацию. – Я за неделю разберусь, откуда тут у вас все эти непонятки и кто на самом деле ваши бабки насадил. Тогда и поговорим.

– Годится, – согласился Улюм. – И я тебе сразу говорю – это не только мое слово, за моей спиной большие люди стоят: если наши бабки найдешь, двадцать процентов – твои. А это неплохие деньги, братуха, я тебе говорю! Даже если эти козлы... ну, ладно, не козлы – плохие люди, короче, – даже если они не успели рубли в баксы перекинуть, все равно это много будет. Двадцать процентов – это что-то около... – Тут большой бандит неожиданно извлек из кармана калькулятор и сноровисто натянул на табло сумму. – Во, гляди – получается почти четверть «лимона». Нормально?

– Нормально, – без особого энтузиазма проронил Турды – он не раз имел дело с большими деньгами и по опыту знал, что если кто-то у кого-то отнял хороший кусок, то потом вернуть его бывает ой как трудно! – В общем, встретимся через неделю...

Но самый неприятный сюрприз преподнесла новоявленному вору своя же блатная братия – так называемая воровская община Белогорска. На первом же «столе», который Турды организовал сразу по прибытии, вредный Рома в присутствии семи авторитетов, приглашенных для знакомства, сильно опарафинил «назначенца», и при этом, как ни прискорбно, он был прав на все сто процентов.

Приглашенные сидели в тот самый люкс, за богато накрытым столом, мытарь Малой рассказывал им сказки про своего хозяина, а сам хозяин импозантно «опаздывал» – якобы ездил куда-то по делам. На самом деле Турды никуда не ездил – сидел в машине на подъезде к гостинице и выжидал. Расчет был таков: Малой успеет просветить братию по всем аспектам, а через полчаса – когда все уже метнут по три рюмашки, во всем своем великолепии явится вор и соответствующим образом будет принят.

Тут необходимо оговориться – Турды с самого начала опасался, что его появление в свете будет принято неоднозначно. Тело Коша, взорванного гранатой, спустя двое суток после происшествия было отправлено стараниями банкира в Минводы, на историческую родину вора, где он желал быть погребенным (при жизни неоднократно высказывал такую мысль). При этом никто из блатных с гробом не поехал: верный Рома и еще с десятка «бродяг» – в том числе и званные семеро авторитетов – парились в ИВС, а потом, соответственно, в СИЗО – белогорские следки, искавшие почему-то чеченский след, пытались раскрутить их на какие-то там сенса-

ционные признания по поводу случившегося. Остальная шлаедрень, помельче, залегла на дно и ждала, когда спадет волна ажиотажа.

Авторитетов расколоть не удалось – они ничего не знали, а присутствовавший при трагедии и случайно оставшийся в живых Рома талантливо уподобился той самой хрестоматийной обезьяне, которая ни хрена не видит, не знает, не слышит и говорить тоже не будет. А когда всех выпустили, было уже поздно – действие состоялось. Похороны вора в Минводах, как водится, самоорганизовались в сходняк, на котором собравшиеся паханы короновали Турды и отправили его для разбора на место происшествия.

Вот тут и начались нюансы. Турды был сравнительно молод – ему едва исполнилось тридцать лет. Он никогда не сидел в пенитенциарных учреждениях и вообще был глубоко пришлым для России типом. В родном Ташкенте он с отличием окончил университет, отслужил в армии два года лейтенантом, некоторое время являлся членом какой-то непонятной террористической организации, затем прилежно воевал в рядах непримиримой таджикской оппозиции, а напоследок возглавлял наркокартель, исправно снабжая российских братьев высококачественным героином. В 1995 году Сайдидин Кадырович Турдыниязов (такова полная инициация Турды) с небольшой интернациональной группой приспешников по каким-то причинам вынужден был покинуть Среднюю Азию и укрылся в Москве, где его очень тепло приняли тамошние авторитеты. Благодаря личному обаянию и неординарным администраторским способностям Турды хорошо зарекомендовал себя за годы проживания в столице, выучился без акцента говорить по-русски – верил, пригодится, – обрел кучу друзей, и закономерным результатом этой дружбы явилась так называемая коронация и назначение на «княжение» в Белогорск.

Далее: как положено, на сходняке составили маляву, под которой подписались авторитетные воры, и маляву эту вручили кому-то, чтобы с ближайшим этапом отправить на белогорскую пересылку (иначе говоря, следственный изолятор № 1 Белогорска, откуда этапированных из других регионов заключенных распределяли по областным зонам). А Турды сказали, чтобы немного обождал – пока «документ» дойдет по назначению, а потом уже отправлялся. Но ловкий узбек решил иначе. Ночью, когда все были уже в изрядном подпитии, он невнятным способом изъясля маляву у того, кто должен был внедрить ее «на хату», и тотчас же отбыл с немногочисленной свитой в Белогорск.

Таким образом, в этом деле были допущены сразу три несуразности. Волею случая никто из белогорской общины не присутствовал на минводском сходняке, что, согласитесь, для сотоварищей усопшего Коша было довольно обидным фактом. Новый вор на самом деле являлся «апельсином», свалившимся черт знает откуда и получившим свое звание за какие-то там непонятные заслуги и личное обаяние. Белогорский криминальный мир пребывал в неведении относительно нового «назначения» – малява не попала на пересылку, и благостная весть по зонам не разбежалась.

А теперь представьте себе семерых авторитетов и Рому, которые сидели за столом в роскошном люксе и ждали вора. Каждый из присутствующих давно разменял четвертый десяток, неоднократно «тянул срок» за различные преступления, являлся знатоком уголовных традиций и втуне – где-то в глубине души – не без оснований надеялся занять место усопшего Коша. Рома не надеялся – молод был, всего два раза сидел за непочетное мошенничество, но после Коша ни под кого идти не желал. Подозревал Рома, что такую сильную личность он больше никогда не встретит. А еще – так, штришок, нюансик: двое из присутствующих были армяне, а остальные принадлежали к славянской расе. Мусульман среди них не было...

– Ну, здравствуйте, люди, – вроде бы правильно начал Турды, входя в номер и по-хозяйски усаживаясь во главе стола. Окинул взглядом собравшихся, обратил внимание, что приборы стоят нетронутые. И вообще, смотрят авторитеты как-то неприветливо, хмуро.

– Я не понял! Ты почему плохо людей угощаешь? – обратился хозяин к Малому. Тот пожал плечами: насильно ведь пихать в глотки не станешь, а сами трапезу начинать не желают – ждут чего-то.

– Ты кто? – будничным тоном поинтересовался Рома – остальные гости внимательно рассматривали вора, ожидая, что он ответит.

Турды отчего-то вдруг почувствовал себя неловко: а был он небольшого роста, худощав, мужественным профилем, увы, не обладал, и телосложение имел самое посредственное – умом и изворотливостью парень в люди выбился, стать здесь ни при чем. Между тем за столом сидели крепкие солидные мужики, уверенные в себе и чувствовавшие локоть друг друга, такую корпоративную спайку, обусловленную общностью интересов.

– Как это «кто»? – От волнения голос хозяина скользнул на фальцет. Нехорошо получилось, несолидно – в глазах авторитетов появилась насмешка. Турды прокашлялся и с достоинством заявил: – Я – вор. Люди зовут меня Турды.

– Очень приятно, – Рома дурашливо разувбался, склонил голову, чуть не стукнувшись лбом о стол. – И мы все тут не менты. Так что ты правильно зашел.

– Я вор в законе, – пояснил Турды, покраснев ликом. – Малой, что – не рассказал?

– Мы такого вора не знаем, – Рома перестал улыбаться. – Ты кто такой, Турды? Откуда мы знаем, что ты вор, а не ботало осиновое? Порядка не знаешь? Вор объявляться не должен, за него люди скажут.

– У меня малява есть! – вспомнил Турды – достал из потайного кармана сложенный вчетверо листок бумаги, бросил на стол. – Читайте, там все написано.

Самый старый из авторитетов – армянин Арам по кличке Камо – взял листок, прочитал, показал его остальным.

– Гангстеры известные за тебя подписались, дорогой, – степенно сказал Арам. – Мы закон уважаем, тут все правильно. Но извини – мы тебя не знаем. Мы про тебя никогда раньше не слышали. И вообще, такого никогда не было, чтобы вор сам на себя малявку предъявлял. Это залипуха, дорогой! Это ты упорол такого косяка, что ни в какие ворота не лезет, родной мой. Но... Мы сразу уходить не станем, послушаем, что скажешь. Потому что сейчас времена такие пошли, что всякое может быть. Закон трактуют кто как хочет. Так что...

– А вы почему не кушаете? – приободрился Турды – выступление Арама внушало некоторые надежды на благоприятный исход. – Наливайте, давайте выпьем, закусим, тогда разговор легче пойдет.

– А ты нам расскажи о себе, – предложил Рома. – Где срок мотал, с кем, какие дела делал. А то, может быть, тебя на хате узлами кормили за баррикадой, а сейчас ты с нами за стол хочешь сесть, оформить всех.

– Разве Малой не сказал? – Турды из последнего предложения Ромы ничего не понял и грозно глянул на Малого – почему плохо распоряжение выполнил? А мытарь опять развел руками – он сам сживал неоднократно, порядки знал, потому у него язык не повернулся сказать авторитетам, что вор ни разу не мотал срок, окончил университет и служил в армии!

– Я никогда не сидел, – признался Турды и, заметив, как мгновенно окаменели лица собравшихся, поспешил реабилитироваться: – Но это ничего не значит! Я окончил университет, служил два года в армии, воевал, имею огромный опыт управления... Не понял – куда это вы?!

Действительно, авторитеты как по команде встали из-за стола, задвигали стульями и направились к выходу, старательно огибая вора, чтобы ненароком не задеть его. Престарелый Арам что-то бормотал под нос, растерянно качая головой, а Рома – вредный тип, не преминул посоветовать:

– Ты эту бумажонку сверни в трубочку и заникай себе в гудок, ффраер. И больше нас к себе не зови – не придем.

– Меня сходняк поставил! – напомнил обескураженный Турды. – Мне разбор по вашим непоняткам надо сделать! Я что-то не понял – вы что, положили на решение российского сходняка?! Я вор или не вор?

– Не гони пургу, еблан, – от дверей буркнул Рома. – Решение сходки мы уважаем – без базара. Но в очко тебя целовать нас никто не заставит. Если вор, то и воруй себе помаленьку. Без нас.

– Я по Кошу тщательный разбор буду делать! – пригрозил Турды. – Мне уже тут сказали, что все из-за бабок получилось. И ваша братия тут не последнюю роль сыграла. Так что не обижайтесь, если кого выведу на чистую воду да за яйца подвешу!

– Делай, дорогой, делай, – уже из коридора разрешил Арам. – Никто мешать не будет, разбор сходняк тебе поручил такое дело. Делай и уезжай к себе в Узбекистан, дорогой. Вором тебя тут никто не признает – поверь моему слову...

Вот так нехорошо все вышло. Неласково принял Белогорск нового вора, никаких благоприятных авансов не дал. После ухода авторитетов Турды долго сидел за накрытым столом и анализировал ситуацию. Все сходилось к тому, что его предшественник был личностью крайне незаурядной, коль скоро ему удалось добиться беспрекословного подчинения этих отмороженных, заставить бандитов платить в общак (разговор с Улюмом Турды недаром начал с общака – до августа сего года бандиты регулярно платили взносы, независимо от того, насколько натянуты были отношения их руководителей с вором) и проворачивать дела с такими шишками, как Пручаев и Логвиненко. Выходило так, что Кош обладал врожденным даром правителя, являлся лидером по натуре и достиг всех вышеупомянутых успехов только благодаря исключительным личным качествам...

На самом деле ничем таким особенным Кош не обладал. Он просто был местным, родным. С банкиром вор учился в одном классе и дружил семьями. Логвиненко – газпромовец был женат на его родной сестре. Как видите, тот факт, что большие люди взяли вора в свою команду, был вполне объясним. Авторитеты блатные росли вместе с вором, ели с одной тарелки, вместе парились на «хате», и по делам выходило, что он был буквально на чуть-чуть удачливее и хитрее остальных во всех вопросах. Отсюда и признанное лидерство – интеллект и природные исключительные качества здесь играют малую роль. А большой бандит Улюм родился и вырос при социализме. Тогда об ОПГ никто не слышал, а слово «бандит» было нарицательным. Улюм втихаря покуривал на школьных задворках и с благоговением слушал, как большие пацаны почтительным шепотом рассказывают друг другу о самом крутом блатном в городе и окрестностях – его сиятельстве Коше. Они с пацанами бегали к следственному изолятору и дежурили там полдня, когда узнавали, что Коша в очередной раз «повязали» на каком-то лихом деле. Это было сродни фанатичному поклонению знаменитым певцам и спортсменам: представьте себе, дежурить полдня у изолятора, чтобы краем глаза глянуть на живого героя уголовного мира, такого опасного и притягательного в своей неизведанности. Блатная романтика... Понятно, почему до поры бандиты безропотно платили в общак?

Однако ничего из вышеперечисленного новоявленный пахан Белогорска не знал. Он приехал недавно, разговаривал с немногими, а жизненный опыт, столь необходимый руководителю любого ранга, был для него пока недоступен – тридцать лет, извините, – это еще молодость.

А поскольку Турды был далеко не глупым человеком, он сделал вывод, что с Кошем ему не тягаться: по всем параметрам пришлый вор на несколько порядков отставал от прежнего пахана. И это наводило на грустные мысли. Обычным путем утвердиться в этом городе никак не получится, предпосылки отсутствуют начисто. Он может сидеть со своей свитой в гостинице и ждать хоть всю жизнь – авторитет сам с неба не свалится. Необходимо что-то предпринять, дабы сразу завоевать всеобщее уважение, страх, раболепное поклонение и так далее. Допустим, отыскать истинного виновника гибели вора и его людей. А заодно отыскать деньги Второго Альянса. Вот это было бы здорово! Люди в его распоряжении имеются – своих привез, пре-

данных да проверенных, деньги тоже есть, опыт оперативной работы имеется (в Таджикистане он, проведя разведывательные мероприятия, выявил трех агентов правительства, пытал и публично расстрелял их в горном кишлаке), препятствий обещали не чинить. Можно работать. В первую очередь следует взяться за авторитетов и их окружение. А начнем с самого противного из них и, что очень кстати, наиболее приближенного к персоне усопшего вождя. С Ромы...

Рому выкупали в ванне, затем Малой обработал его раны летучим анестезирующим составом, усадил в кресло и прикрыл простышкой. Малой глянул на часы, показал Турды пальцами три по пять – состав будет действовать пятнадцать минут, затем начнется «отходняк». Турды кивнул, налил в стакан сто пятьдесят грамм водки и поднес к губам жертвы. Рома в два глотка выпил содержимое, зажевал поднесенным огурчиком и крикнул. Глаза его приобрели осмысленное выражение. Прислушавшись к своим ощущениям, он удивленно покачал головой и, часто облизывая пересохшие губы, слабым голосом произнес:

– Да, мытарить вы мастера... Наловчились... И ты думаешь, тебе это с рук сойдет? Не, брат, шалишь... Как только я отсюда выйду... тебя в клочья порвут. Это я тебе отвечаю... Никакой сходняк не поможет.

– Не порвут, – ровно ответил Турды, доставая из кармана записную книжку. – У меня карт-бланш на разбор. Вот я и разбираюсь. А ты тут такого наговорил, что уши дыбом встают.

– Волосы, – поправил Рома, ускользящим взглядом ловя графин с водкой. – Уши дыбом не встают. Ты это... Будь человеком, дай еще водки. А то...

– Хватит, – покачал головой Турды. – Через пятнадцать минут ты опять начнешь болеть. Все тело. Давай, пока не началось, поговорим. Скажешь правду, я тебя быстро вылечу и отпущу.

– Я тебе все сказал, – отрезал Рома, глядя на графин. – Дай водки, будь человеком!

– Мне твоя правда не нравится, – Турды постучал пальцем по блокноту. – Если я твою правду людям покажу, все смеяться будут. Ты что, скажут, Турды, – совсем больной? Ты чему веришь?

– Я тебе сказал – блядь буду и... и век воли не видать, – Рома зевнул во весь рот – после непрерывного пыточного марафона отсутствие боли и расслабленность казались чудом, блаженный покой разливался по всему телу, неумолимо клоня в сон. – Слушай, дай я посплю чуток, будь человеком?

– За такие деньги люди все что угодно скажут, – Турды опять постучал по блокноту. – Давай быстренько сначала пробежим. И ты сам на свежую голову поймешь, что некрасивая картинка получается.

– Давай, – Рома опять зевнул, поудобнее склонил потяжелевшую голову набок и прикрыл глаза: комната вдруг поплыла, странно меняясь в размерах – небольшая доза водки действовала на ослабленный организм не совсем обычно.

– Значит, Кош бабки не брал, – на всякий случай уточнил Турды. – Никого не мочил. Это все баба и этот... Пес этот. Кинули людей на бабки, завалили всех подряд... Правильно?

– Бля буду – так, – едва размежив губы, прошептал Рома, вздрагивая от прикосновения – это ловкий Малой подошел сзади и начал мягкими движениями тереть ладонями его уши, опасаясь, что жертва уснет. – Да не сплю я, не сплю – отвали, выкидыш...

– Ну, тогда смотри, что тут выходит. – Турды уткнулся в блокнот и принялся бубнить: – Начальник СБ «Парадиза» Жека. И два его пацана. Баба?

– Она.

– Ага. Кулькин – коммерческий директор «Парадиза». Баба?

– Она.

– Ну-ну... Стадогонов-младший, сын губернатора, владелец ЧОП «Белогорпроект». Тоже баба?

– Без базара.

– Понял. Толхаев – хозяин фармацевтического комбината. Баба?

– Да, баба.

– Та-а-ак... Два охранника на комбинате и курьер, который деньги вез... Кто?

– Все та же марушка.

– В смысле – баба? Ага, понятно. Дальше: Штырь-мытарь, Димон и трое его пацанов. Баба?

– Нет, это Пес. И двое его шнырей.

– А, ну да, извини. Точно – Пес... Потом: пацаны Улюма. Буханка и Болт. Пес?

– Он. Улюм сам сказал.

– Ну, с этим понятно – раз Улюм сказал. Трое фраеров в кожвене, а после – старший их, Леха, в больнице. Баба?

– Верняк, та самая марушка. Может, хорош? Сколько уже говорено...

– Нет, не хорош! Ты слушай и прикидывай, что получается. Мамон, Лука и Ботва – ваши пацаны. Маручка?

– Марушка, – поправил Рома и, встревоженно ворохнувшись, покосился на графин с водкой. Малой немного не рассчитал – обещанные пятнадцать минут еще не истекли, а рваное тело Ромы начало потихоньку сигнализировать мозгу, что с ним, телом, не все в порядке. – Слушай, будь человеком – дай водки, а? Чей-то мне поплохело.

– Сейчас заканчиваем, – успокоил его Турды. – И последнее – смотри внимательно. Вор, Цапля-авторитет – в доме, четверо пацанов во дворе. Два взрыва, всех добила в голову. Тоже баба?

– Я сказал – баба, – Рома поморщился. – Тебе не надоело?

– Надоело, – признался Турды, тыкая карандашом в криво писанные строчки и шевеля губами. – Итого: тридцать один труп. За неполный месяц. Такое впечатление, что работал этот... ну, как его... карательный экспедиция. Карательная. А по твоим раскладам выходит, что семерых завалил Пес, а остальных двадцать четыре человека рассчитала баба. Понимаешь, Рома? Одна баба – молодая и симпатичная, картинка. Ее драть целыми днями надо во все щели, а она тут ходит и всех подряд валит... Рома!!! Ты думаешь, я с этой херней к людям поеду?! С этой сказкой про твою бабу?! Да меня на месте опустят и в психушку упекут!

– Я понимаю, – Рома почувствовал, что лоб его покрывается испариной – боль постепенно возвращалась, медленными толчками нагнетая в сознание предощущение страшных мучений. – Я понимаю, нескладно выходит... Ммм... Но ведь так все и было! Господи! Да за каким хером я бы стал терпеть все это? Не проще ли было наврать тебе кучу?!

– За большими деньгами, – вразумительно пояснил Турды, внимательно наблюдая за жертвой и соображая, дать команду мытарю открыть очередную ампулу с заморозкой или воздержаться. – Ты, Рома, теперь один в курсе, что с этими деньгами стало. А в этой истории, куда ни кинь, кругом неправильный расклад получается. Давай даже про бабу на минуту забудем. А вот про тебя... Ты почему жив остался, Рома? В подпол полез, за огурцами? И как раз в тот самый момент, когда эта баба пришла убивать вас всех? А, Рома?

Рома покачал головой и ничего не ответил. Действительно неправдоподобно. У следяков он проходил подозреваемым номер один – странно было верить в то, что всех в доме убили, а он выжил. Но это же игра случая! Вор послал его в подпол за огурцами – они сидели с Цаплей, наливали понемногу и обсуждали текущие проблемы. Как раз огурцы кончились. Рома спустился в подпол, включил переноску, начал выбирать банку... В этот момент во дворе раздался грохот – из подполья Рома не сразу и понял, что это граната взорвалась. Он испугался, и это спасло ему жизнь. Застыл на месте в немой оторопи, стал лихорадочно соображать, что же делать. Через несколько секунд прозвучал второй взрыв – на этот раз в доме. Взрывной волной крышку подпола захлопнуло, шнур переноски перебило – Рома сидел в темноте и трясся от страха. А когда он рискнул вылезти наружу, кругом были одни трупы...

– Вот так некрасиво получается, Рома, – Турды сунул блокнот в карман и скрестил руки на груди. – И еще один прокол, Рома... Жеку этого, начальника СБ «Парадиза»... Его же в задницу трахали. Экспертиза показала. Прежде чем убить, два мужика трахали его в задницу. Баба это сделать не могла. Пес этот со своими пацанами – тоже. Тут работали матерые уголовники. Улавливаешь? Коша работа, да?

– Дай водки! – сипло крикнул Рома. – Болит! Господи, как болит!

– Скажи правду, Рома, – Турды подскочил с дивана, приблизился к жертве, уставился в потемневшие от разраставшейся боли глаза. – Правду, Рома! И не будет больно – я тебе обещаю! Где деньги, Рома?!

– Это баба! Баба все! – тонко всхлипнул Рома, кривя лицо в ужасной гримасе. – Бля буду! Мы не брали! Баба!

– Сволочь, – потерянно констатировал Турды, отходя к дивану. Момент истины не получился – то ли жертва была слишком стойкой, то ли в отработанной методике допроса с пристрастием возникли какие-то досадные ошибки. – Сволочь! Малой – давай! Не хотел по-хорошему, будем продолжать.

– Не надо бы его сейчас вешать, – неожиданно воспротивился обычно безропотный мытарь. – Устал, организм может не выдержать. Долго рвали его... Ему бы дать отдохнуть денек, потом уж...

– Я сказал – вешать!!! – яростно рыкнул Турды, округляя глаза и тыча пальцем в сторону Ромы. – Я здесь за все отвечаю! Вешать, маму вашу!!!

– Смотри, ты хозяин, – угрюмо насупился мытарь. – Я предупредил. Давай, пацаны, взяли...

Малой с подручными закрыли окна, включили музыкальный центр. Рому выдернули из кресла, сорвали простынку и принялись подвешивать на дверь. Подвесили, отошли. Тело жертвы, испещренное ссадинами и рваными ранами, извивалось в конвульсивных судорогах. Хрипя и кашляя пеной, Рома отсутствующим взглядом смотрел в пространство и ничего не видел: действие препарата прошло, дикая боль из многих точек невидимыми ручейками устремилась в сознание, ручейки слились в единый мощный поток, противостоять которому уже не было сил...

– М-м-м... Мама! Ма-а-ама! – тихо прохрипел Рома, в последний раз дернулся... и затих. Безвольно свесилась на грудь бритая голова, мышцы рук, перекинутых через дверь, перестали напрягаться, удерживая тело, – от этого оно плавно обвисло, распухшие ступни коснулись коврика...

– Давай нашатырь, приведи его в чувство, – недовольно распорядился Турды. – Нежные мы какие! Сутки висел – ничего, а как дали отдохнуть маленько, скурвился. Давай!

– Кончился, – тихо молвил опытный мытарь, не делая попытки метнуться за нашатырем. – Все.

– Не понял? – Турды удивленно поднял бровь. – В смысле – «кончился»? Только что мы с ним разговаривали! Как это – «кончился»?!

– Умер, – хмуро пояснил Малой. – Я предупреждал...

Турды подошел к висящему, прижал палец к шейной артерии, с минуту ждал, склонив голову набок – словно надеялся, что Рома одумается и перестанет придуряться. Пульс не прощупывался...

– Вот так ни х...я себе – подвесили... – озадаченно пробормотал Турды, отходя и избегая встречаться взглядом с подручными. Единственный свидетель, который мог пролить свет на тайну исчезновения денег и вообще распутать всю эту дрянную историю, обманул его. Рванул в небытие. Последний побег – уголовник остался верен воровским традициям...

– Мен сяна кечаль баш ским, Рома... – печально продекламировал вор. – И что мне теперь... Искать эту вашу бабу и ее Пса? Чтоб вы все тут сдохли, гишдылахи...

Шлеп! Шлеп! Две пластиковые блямбы сочно влипли в бетон стены в нескольких сантиметрах от правого уха. Март без рывка сложился пополам, падая на пол, плавно перешел на кульбит и через левое плечо перекатился в противоположный угол, уходя из убойного сектора.

– А вот я продырявлю кому-нибудь что-нибудь! – крикнул сердито, приподняв пластиковое забрало на шлеме. – Сказал же русским языком – в голову не бить!

– А не подставляй! – ответил издали приглушенный глас первого ассистента. – Работай аккуратнее!

Чертыхнувшись, Март захлопнул забрало, набрал в грудь побольше воздуха и, выскочив из безопасной зоны, резво пошел «маятником» по широкому коридору, шарахаясь от стены к стене и стараясь как можно быстрее преодолеть опасный участок, на котором совершенно негде укрыться от пластиковых пуль коварных ассистентов.

Шлеп! Шлеп! Шлеп! Три ассистента, три шлепка – два под ноги, один на уровне задницы, в стеночку. И все три – мимо! А на большее времени не хватит, коридор не безразмерный, всего-то двадцать пять метров. Как раз, чтобы прицелиться и сделать точный выстрел. Второй раз стрельнуть не получается – нужно передергивать затвор и прикладываться вновь, за эти несколько секунд хорошо тренированный «телохран» успевает проскочить коридорчик и спрятаться за угол.

Преодолев простреливаемый участок, Март ввалился в просторный холл, присел за «стойку портье» и перевел дух. Нормально! Организм работает примерно так же, как в реальной ситуации: судя по ощущениям, содержание адреналина в крови почти на уровне. Разумеется, полного аналога достичь не получается: для этого нужно, чтобы ассистенты стреляли боевыми патронами и при этом не жалели тебя, а старались перевести в разряд покойников. Но тогда они будут уже не ассистенты – ну их в задницу, таких ассистентов! А вообще – все довольно неплохо. Тело – лучший контролер. Когда пластиковая пуля попадает человеку в ляжку (ассистенты стараются стрелять по ногам), ему кажется, будто какой-то хамло со всей дури вытянул его арматурой. Нога мгновенно немеет, надолго отказывается исправно функционировать – в общем, впечатление незабываемое. В следующий раз, когда человек выполняет упражнение и знает, что по нему будут стрелять пластиковыми пулями, он ведет себя примерно так же, как если бы эти пули были разрывными – тело не желает испытывать мерзкие ощущения, полученные ранее. Отсюда и параметры: быстрота, скорость восприятия, собранность, близкое к нормативному содержание адреналина в крови и так далее...

Дверь, ведущая на второй этаж, скрипнула и медленно распахнулась. Одновременно сверху приехал лифт, встал, створки гостеприимно разбежались в стороны. Интересно, что они в этот раз напридумывали? За пять лет, казалось бы, запас выдумок и хитростей прикладного характера должен был весь сойти на нет. И все равно, каждый раз его ассистенты выкидывают какое-нибудь нестандартное коленце, пытаются перехитрить своего шефа и замочить его. Приз – сто баксов. Немного, но приятно, а главное – престижно. Потом за обедом, попивая пиво в кафе «Абордаж», можно будет этак небрежно обронить: «Шеф сегодня явно не в голосе. Уже на втором прогоне завалил его...» – и все уважительно загудят – да, дает парень, гляди-ка: Директора сделал! Мастер! Завалить специалиста такого класса – это вам не халям-балям...

По коридору, который Март только что преодолел, мягко забухали шаги – ассистенты поджимали. Секунды, отпущенные на лихорадочное обмысливание приемлемых вариантов, истекли, чуть промедлишь и получишь пластик в попу. Держа пистолет на изготовку, Март приставными шажками подсеменил к лифту, вытащил из-за пазухи небольшой сверток, стукнул его об стену и бросил в кабину. Сверток начал медленно пухнуть и увеличиваться в размерах. Убедившись, что нехитрое приспособление работает, Март просунул руку в кабину и нажал на кнопку пятого этажа. Комфортабельная ловушка захлопнулась и тихо поперла вверх. Да, лифт ловушка. Март смолodu недолюбливал лифты и какие-либо другие механические приспособления для спуска-подъема – и не без веских на то причин.

Метнувшись к двери, Март через три ступени припустил наверх, неслышно касаясь бетонных ступеней тонкими подошвами кроссовок. Вперед, на третий этаж – второй оставим напоследок, там больше свободы для маневра, потому как при осложнении ситуации можно выпрыгнуть в любое окно.

Оп! Маленько не угадал, надо было прыгать через две. Из щербатой стены пролетом выше вывалилась плоская резиновая башка на рычаге, издевательски оскалилась навстречу механической гримасой и принялась тревожно щелкать таймером. Стрелять нельзя – глушитель стандартный, ассистенты слишком близко, услышат. А желательно, чтобы они некоторое время пребывали в состоянии приятного заблуждения по поводу его неблагоразумного лифтоуезжания. Между тем время идет – на поражение цели две секунды, длина пролета – девять метров. Не успеть!

– Ну почему я не Бэтмен?! – огорченно прошептал Март и, не останавливаясь, рванул из чехла на спине боевой нож. Почти не целясь, метнул ручкой вперед – увесистый кусок стали просвистел снизу вверх, впился в резиновую морду, вонзившись по самую рукоять. Таймер утух – теперь выражение морды выглядело вполне обиженным. Ну, это, разумеется, игра воображения – оскал резины статичен, независимо от состояния атмосферного давления и результата, показанного специалистом. Доскакав до мишени, Март аккуратно заправил ее в стену, включил датчик и, выдернув нож, осторожно вторгся на третий этаж.

Холл, коридор, двери по обеим сторонам – этот блок тренировочного объекта оборудован под стандартную гостиницу на три звезды. Март знает здесь каждый квадратный сантиметр – и ассистенты в курсе, что Март знает. Преимущество их состоит в свободе выбора. Переставил ловушку на новое место, замаскировал хорошенько, мишени перетасовал – вот вам и очередной из бесчисленных вариантов новой обстановки. И никаких компьютерных хитростей: все просто и толково. Точнее, дешево и сердито – сами делали. Опробовали, конечно, некоторые импортные системы аналогичного предназначения, но самоделка оказалась более эффективной и жизнеспособной. Судите сами. Ловушка: баллончик с газом, сопряженный с нехитрой конструкцией из емкостного датчика, «Кроны» и обыкновенной детской пищалки. Изменилась разность потенциалов – «телохран» слишком близко подошел, дуралей, – сработал датчик, пищалка заорала идиотским голосом, газ повалил. Газ, естественно, не боевой: хлорацетофенон в слабенькой концентрации – тренировка все же! Мишени числом двадцать, на работу, как правило, выставляют не более десятка. Пористая резина, две обкладки, два датчика, таймер, все та же идиотская пищалка, тонкий проводок и «Крона». «Телохран» наступает на медный лепесток, замыкает контакт, «морда» вываливается из стены или еще там откуда, включается таймер – шесть щелчков, по три на каждую секунду. «Телохран» стреляет, пуля попадает в мишень, замыкает обкладки, таймер выключается. Не успел обработать мишень за две секунды – получи пронзительные крики, которые непременно услышат ассистенты. Услышат, и прибегут, и обязательно постараются угостить твою задницу пластиком – если, конечно, не поднимешь руки да не сдашься. Сдача – провал операции. Оценка «неуд». Март не сдается никогда – лучше пластик. Кстати, насчет пластиковых пуль – это его придумка. Раньше ассистенты использовали обычные пейнтбольные ружья. Еще раньше – «воздушки», что переламываются пополам и не очень больно жалят в мякоть, ежели расстояние превышает пятнадцать метров. Но это все баловство. Лучший стимул для специалиста – пластиковая пуля, выпущенная из «КС-23³», почему – смотрите выше...

Мягкие шаги на лестнице. Второй этаж миновали – все продумали, супостаты! Ах, какие мы мнительные! Не поверили в лифт. Знают Директора. Жаль, очень жаль. Март втянул голову в плечи, юркнул в уголок «дежурного по этажу», на ходу оценивая, как будет прорываться по коридору к пожарной лестнице, если татеподобные ассистенты не пойдут проверять «номера»,

³ Специальный карабин для отстрела патронов со слезоточивым газом и пластиковых пуль. (Примеч. авт.)

а сначала обследуют холл. По условиям упражнения допускается физический контакт, исключая стрельбу из боевого оружия, травмирующие удары и приемы со стороны «телохрана» – Марта то бишь по отношению к ассистентам. Ассистентам можно все: на Директоре шлем с забралом, защитный жилет и бандаж. Нельзя лишь стрелять в голову – с близкого расстояния пластиковая пуля может разнести забрало. Условия неравные, но Март с ними согласен – уровень подготовки разный. Лучше него, Директора, в школе нет бойца. Участь ассистентов была бы весьма печальной, не будь у них карабинов. А с карабинами они себя в обиду не дадут – и сами могут обидеть кого угодно. Прошу обратить внимание: ассистенты ведь тоже тренируются, занятие у них. И каждый из них принадлежит к немногочисленному отряду «иксов». С другими Март просто не стал бы тратить времени...

– У-а! У-а! У-а! – пронзительно заорало что-то на пятом этаже. Трое на лестничном марше перебросились экономными фразами и утопали наверх, оставив третий этаж без внимания.

– Поздравляю, – без особой радости буркнул Март, выходя из-за своего укрытия и направляясь к «номерам». Простенькая хитрость: пластиковый мешок, затянутый скотчем на горловине баллончика с инертным газом. Лифт доехал до пятого этажа, мешок распух, лифт распахнулся, установленный при выходе датчик среагировал на изменение объема, ловушка сработала. Да, он всех «обул» – хорошо. Но «иксы» попались на такой дешевый трюк – плохо. Не просто плохо – грустно! Летально. На разборе придется всех подряд отдрючить в извращенной форме.

– Ну, пошли работать, – подзадорил себя Март, осторожно открывая дверь в первый по коридору «номер».

Щелк! Щелк! Щелк! – из-за кровати выскочила резиновая морда, защелкала таймером. Март повел в том направлении стволом, бегло поразил мишень двумя пулями – вторая неловко плюхнула в бетонный подоконник, вжикнула, срикошетив в потолок.

– Второй, – посчитал Март, поверхностно обследовав помещение и выходя в коридор. – А что-то они сегодня не в голосе. В первом же номере – клиент. Понедельник день тяжелый? Ну, погодите, я вам устрою!

Задачу можно считать выполненной – коль скоро «иксам» угодно было так бесхитростно впасть в заблуждение и оставить подопечного без контроля. Суть упражнения состоит в том, что «телохран» – Март то бишь – должен прогуляться по «гостиничному» корпусу, уколошить как можно больше «врагов» и между делом «остаться в живых». А задача ассистентов заключается в обратном: не дать «телохрану» разгуливать по зданию и развлекаться стрельбой. И при этом постараться «ликвидировать» его.

Любой специалист секьюрити, прочитав эти строки, нахмурит брови: это что еще за упражнение? За каким обвисшим дюдедем «телохран» должен шастать по гостинице в поисках киллеров, вместо того чтобы безотрывно находиться при персоне подопечного и прилежно оную персону опекать? А вот это пока секрет. К охранному делу данное упражнение никакого отношения не имеет – Март специально разработал его для совместной тренировки с «иксами». А чтобы не возбуждать нездоровых толков среди обычных курсантов школы телохранителей, в расписании занятий указано, что сия развлекуха не что иное, как стандартный психологический практикум в экстремальных условиях. Попробуй придержи!

Но это детали, заурядные проблемы учебного процесса. А в настоящий момент важно то, что Март уже практически выполнил упражнение. Если бы «иксы» безотрывно топали за ним по пятам, преследуя, как гончие зайца, тут еще можно было бы усомниться в исходе противостояния. Но Март бесхитростно «обрубил хвост» и теперь обязательно воспользуется предоставленной ему возможностью, чтобы в очередной раз доказать соратникам, как они были не правы, не настроившись соответствующим образом на кропотливую работу после выходных. Минут через пятнадцать вы сможете лично убедиться в этом, а пока суть да дело, давайте

поближе познакомимся с Мартом – вам предстоит довольно плотно общаться с этим субъектом на протяжении всего последующего повествования...

Итак, Мартынюк Андрей Владимирович, для своих – Март. 38 лет от роду, холост, родственников не имеет. Рост – 185 см, вес – 85 кг. Смуглый, глаза карие, черты лица благородные, красиво вылепленные уши слегка заострены кверху, и вообще – на черта похож. Точнее – на симпатичного черта, такого обаяшку из преисподней. Могучая сила воли, несгибаемое упорство и патологическая склонность к риску рано вывели его в разряд лидеров и приподняли над толпой. Фанатичный поклонник единоборств, с детства увлекается всем, что входит в понятие «ратное дело». Имеет успех у женщин, ведет себя как джентльмен, и вообще, при беглом знакомстве производит впечатление такого лощеного интеллигента. Дорогие костюмы от лучших столичных портных сидят на ладной фигуре Марта, как на профессиональной топ-модели. В обычной обстановке двигается расслабленно, вальяжно, чрезвычайно пластичен: как-то угодил на вечеринку, где попеременно с обычным светским человеком тусовались высокопоставленные геи, так не знал, куда от них деваться, – приставали наперебой, до того приглянулся лапидарусам симпатичный малый! Нет, с геями Март не дружит – он страстный поклонник прекрасного пола и тонкий ценитель грации. Короче, отъявленный баболоб.

Неисправимый авантюрист. Несмотря на солидный возраст и довольно высокое положение в обществе, по-прежнему предается рискованному утехам, более свойственным переполненным гормонами юнцам: прыгает с парашютом, сигает на резинках с моста, лазает с диггерами в обвалоопасные катакомбы и частенько посещает подпольные бои без правил, устраиваемые лихими людьми для нездорово азартной столичной элиты. И вы думаете, он довольствуется ролью зрителя на этих боях? Как бы не так! Он дерется наравне с профессионалами. И неплохо дерется, надо отметить – до сих пор никому не удавалось хорошенько намять ему бока, несмотря на то что основные бойцы подпольных шоу на десяток лет моложе резвящегося авантюриста.

Нельзя сказать, что судьба дала Марту все, что нужно человеку для счастья. Все, что нужно, он взял сам, зубами вырвал. В школе учился посредственно, домашние задания хронически не делал, поскольку всегда увлекался черт-те какими пакостями, к учебному процессу никакого отношения не имеющими. Военное училище едва окончил с троечным дипломом – дрался частенько, из самоволок не вылезал и, как следствие, на гауптвахте сживал подолгу. Протекции не имел, а потому служить в пределах Садового кольца не сподобился – сразу после выпуска угодил в Афганистан, где и застрял на пять лет.

Вопреки расхожим утверждениям о стремительной карьере на войне, выше командира роты разведки Март не поднялся. Воевал с увлечением: отдавался ратному делу без оглядки, проводил рискованные и красивые операции, каждую правительственную награду для отличившихся бойцов своих выбивал у крысюков штабных с таким пылом и рвением, словно речь шла о деле жизни или смерти. Одного майора, который отказался отправлять представление на его сержанта, водил в горы – расстреливать. Представление отправили, но Марта упекли под трибунал. Хорошо, командир полка выручил: нужный парень все же, рабочий войны, мастер.

Да, благодарить судьбу за ласковое отношение к себе у Марта оснований нет. Нельзя, конечно, вот так сплеча упрекать штабных деятелей за тотальную нелюбовь к своенравному командиру разведроты, но факт есть факт: по какому-то недоразумению Март разок угодил в список безвозвратных потерь. В одном из ночных рейдов его тяжело ранили. Настолько тяжело, что даже выдавший виды пожилой фельдшер, помогавший смерти еще в годы ВОВ, глянув на продырявленный живот молодого офицера, вынес однозначный вердикт:

– «Двухсотый»⁴. С такими дырами люди не живут... – и черкнул палочку в соответствующей графе.

⁴ «Двухсотый» – убитый; «трехсотый» – раненый (терм.).

Однако военный хирург, дежуривший в то утро на эвакуационном пункте, был на данный счет другого мнения. Он сделал все, что было в его силах, и сотворил чудо: в буквальном смысле вытащил с того света.

Чуть позже плановый борт уволок тяжелых «трехсотых» в госпиталь, где Март провалялся два месяца. А первоначальные данные о потерях – без соответствующей поправки на единицу – с эвакуационного пункта благополучно передали в штаб. И получили престарелые родители (Март – поздний ребенок, плод зрелой любви) похоронку. От скорбной вести с матерью молодого офицера случился инсульт, в результате чего она умерла. А отец – полковник в отставке, ветеран ВОВ, – потеряв на старости лет двух дорогих его сердцу людей, не вынес такого горя и застрелился из именного пистолета, подаренного, по слухам, самим Рокоссовским.

Причуды судьбы на этом не окончились. Март провалялся в госпитале сколько положено и поскакал воевать дальше – отпуск после ранения брать не стал, поскольку любил ратное дело всей душой и не желал тратить время на всякую дрянь типа водных лыж и пляжей с пенным прибоем. Все, что требовалось молодому выздоравливающему организму, у него было под рукой: сытная еда, водка, медсестры и штабной персонал женского полу, весьма западавший на стройного волоокого разведчика с джентльменскими замашками и большим х... эмм... большим характером. Письма домой он никогда не писал – лень было, и потому о смерти родителей понятия не имел. Кому могло прийти в голову сообщить «покойнику» об утрате близких? Так и воевал далее наш парень, не подозревая, что ждет его дома.

Сразу после того, как их полк вывели на Большую землю, Марта уволили из Вооруженных Сил по дискредитации. Угораздило парня в первый же вечер «обмывания» счастливого возвращения набить лицо трем полковникам из окружного управления. Банально: в ресторане, из-за дамы. Ах, какая была дама! А какие лица! В три дня не объедешь. Но набил. И выкинули из ВС быстро – в два дня.

Возвратившись в столицу, Март некоторое время пребывал в состоянии шока. Представьте себе: вы приехали после долгого отсутствия домой и обнаружили, что родители ваши давно умерли, в квартире, некогда им принадлежавшей, живут чужие люди, а вас, как выяснилось, давно похоронили.

Три дня отставной разведчик беспробудно пил водку с первыми попавшимися знакомыми, которых удалось убедить, что он вовсе не труп, а вполне даже ничего себе парниша с приличной пачкой чеков. Залил горе, отошел, навестил могилки родителей. Тут как бы сам собой, ненавязчиво, всплыл извечный российский вопрос: где жить и что делать?

Насчет «где жить» получился полный облом: родители, старые коммуняки, при жизни не удосужились приватизировать даденную родиной хорошую квартиру на Кутузовском проспекте, а Март вроде бы погиб. Потому квартирка двухкомнатная общей площадью 68 квадратных метров мгновенно отошла сынку какого-то большого мужика с портфелем. Попытка восстановить справедливость увенчалась грандиозной дракой во дворе родного дома. Март просто пришел пообщаться: хотел на совесть надавить, а сынок портфельный – убежище порока – по телефону звякнул и вытребовал пятерых своих дружков, которые где-то там в подвале качались, лупили по грушам и вполне искренне полагали, что являются духопреемниками Брюса Ли. Отставной разведчик при виде такого мерзкого отношения к своей персоне мгновенно осерчал и в течение аж целых двух минут (это довольно большой временной интервал для рукопашника такого класса, работающего с «чайниками») убеждал хлопцев, что они не совсем правы. Сынка портфельного и еще троих увезли с травмами в Склифосовского, а Марта взяли в ИВС, откуда через 72 часа он перекочевал в печально известный следственный изолятор № 4.

Вот тут судьба впервые за все время проявила некоторое снисхождение к нашему парню. В камере, куда попал Март, сидели по какому-то делу двое «афганцев», которые тремя годами раньше покинули негостеприимные ВС и подались в сомнительную коммерцию. По-видимому, «коммерческая» жизнь была не в пример приятнее, чем ревностное служение родине: оба быв-

ших офицера имели тела и лица раза в три шире, нежели у их вновь обретенного товарища по несчастью. Кроме того, при взгляде на эти самые лица даже у отъявленного пессимиста вряд ли возникла бы мысль о том, что в тесной камере следственного изолятора данные товарищи чувствуют свою ущемленность и оторванность от социума.

– Пшел на пол, – не повышая голоса, распорядился один из коллег Марта после выяснения личности новичка и бесцеремонно толкнул довольно крепкого мужлана среднего возраста, спавшего на втором ярусе. – Теперь здесь будет жить братуха. Давай, в темпе!

Мужлан безропотно собрал развешанные на дужках шмотки и полез устраиваться под нижнюю «шконку» – в восьмиместной камере разведчик оказался четырнадцатым, что было совсем не так уж плохо, учитывая хроническую переполненность наших пенитенциарных учреждений.

– Ну зачем же так? – засмутился Март. – По очереди бы спали – ничего страшного...

– Перебьется, – заявил второй коммерсант и счел нужным пояснить с ленивым возмущением: – Крыса тыловая! Пока мы там в горах кишки на камни наматывали, они тут жировали. Ша! Теперь наш черед. Давай, братуха, устраивайся и ползи к нам – отметим встречу, – и потянул откуда-то из-за «шконки» увесистую сумку с ароматом копченостей, в которой явственно что-то булькнуло...

Вот таким образом Март впервые соприкоснулся с таким понятием, как «корпоративная принадлежность», несколько скособоченным ввиду специфических условий существования в СИЗО. Ветераны-коммерсанты долго сидеть в камере не пожелали: собратья по «цеху» приняли все меры, чтобы как можно быстрее выгнать их на волю.

– Не бойсь – мы за тебя словечко замолвим, – пообещали они Марту на прощание. – Ты кругом прав, статья липовая – ежу понятно. Держись...

Вопреки ожиданиям, Марта действительно вскоре выпустили. Коммерсанты сдержали свое слово: подключили к делу освобождения бывшего разведчика «Афганвет» и все общественные организации, так или иначе связанные с афганской войной.

«Он умирал в горах Афгана, а в это время его квартиру занял толстомордый буржуйский сынок. Он приехал домой, а во дворе родного дома его хотели убить осатаневшие от безделья дружки буржуйского сынка. Но ветеран-орденоносец не захотел умирать на родной земле. Не для того он обманул смерть на суровой чужбине. Он вспомнил все, чему его научила война, и принял неравный бой. И в результате угодил на нары...»

Март только криво ухмылялся, читая в трех газетах одну и ту же статью, не отличавшуюся изысканностью стиля, но вполне слезливую, чтобы пронять до самой задницы заскорузлую душу обывателя. Статья сильно искажала факты. Март никогда не был орденоносцем. А бия во дворе раскоченных дружков портфельного сынка, он даже не подумал о том, чтобы применить то, чему его научила война. На войне, столкнувшись внезапно нос к носу с отделением «духов», разведчик угостил бы их парой гранат, а потом в упор расстрелял бы из автомата. А тут получилось совсем не так: повалявшись недельку в больнице, портфельный сынок и его дружки целы и невредимы пошли себе опять качаться в подвал. Какой же это бой? Так, дружеская трепка, не более. Однако крыть было нечем: на дворе висел 1989 год, всю свирепствовала перестройка и так называемая гласность.

– А что – можно пойти квартиру истребовать обратно? – наивно поинтересовался Март у благодетелей. Коммерсанты – звали их Саша и Жора – приютили его в подсобке бара «Абордаж», владельцами которого они являлись, и наградили должностью вечернего вышибалы.

– Про квартиру забудь, – грустно сказал Жора – старший в паре. – Это ж только в газетах – гласность. А на деле все как было, так и осталось, миром заправляет номенклатура. Этот козел согласился забрать заявление только при условии, что ты больше никогда не вспомнишь про свою квартиру. Дернешься – по новой накачают и опять упекут. Так что думай сам: на воле

без хаты или опять в камеру, и черт знает, чем эта твоя тяжба кончится. А вообще, радоваться должен, что «афганцем» оказался да нас встретил. Если б не это, парился бы по полной...

Вот так получилось. Март шибко горевать не стал: угол имелся, работа не пыльная, местами даже интересная, платят коммерсанты вполне прилично, и дев кабацких ежевечерне – невпроворот. После закрытия бара у черного входа новоявленного расфранченного вышибалу (Март всегда одевался с иголки, носил ослепительно белые рубашки и стильные галстуки) ожидала кучка «неснятых» возбужденных поклонниц, желавших отпробовать плотской любви с высоким стройным мачо.

С одной из таких любительниц приключений у Марта получился маленький роман с далеко идущими последствиями. «Абордаж» в числе заведений высшей категории, увы, не значился – так себе, кабачок средней руки для простой публики, не отягощенной солидным капиталом и излишним весом в обществе. И девы, которые посещали сие достославное прибежище греха, сами понимаете, относились к категории повышенной доступности – «центровыми» «шкурами» здесь и не пахло, они тусовались в более приличных местах. А тут вдруг однажды, тихим октябрьским вечерком, ближе к полуночи, подкатывает к парадному входу «Абордажа» кроваво-красный новенький «Шевроле». А на дворе, напомним, завис 1989 год, наша публика пока не избалована повсеместным засильем «шестисотых», «кабанов», широких джипов и серебристых «Лексусов». Из тачки выплывает примадонна без верхней одежды, в большом количестве драгметаллов и таком прикиде, будто она пять минут назад разругалась со своим кутюрье и уто€пала с подиума «Базара», забыв переодеться, в расстроенных чувствах. Выбирает примадонна столик где-то в уголке, сидит полчаса, употребляет не торопясь неразбавленный «Чивас Ригал» с засахаренным лимоном (в запасах «Абордажа» всегда имелись неплохие напитки для своих и особо важных) и глазеет на окружающих, нервно покуривая длинную сигаретку. А через некоторое время, употребив подряд три по пятьдесят и вполне пресытившись видом глазеющего на нее плебса, вдруг вырывается в холл и с ходу заявляет скачущему на входе Марту:

– Алло, малыш! Я не нашла здесь никого симпатичнее тебя. Пошли, я хочу тебя прямо сейчас, – и, схватив за руку, тянет парня на улицу.

– Я на улице не совокупаюсь, – растерянно пробормотал обалдевший от столь бесцеремонного обращения мачо. – Не так воспитан.

– А у меня тачка, – примадонна явно не собиралась отступать. – Водилу выгоним – и вперед. Пошли, малыш, не упрямясь!

– Я тебе не малыш, – резонно заметил Март – примадонне едва ли перевалило за двадцать пять. – И вообще – лучше отпусти, а то...

– А то что? – хитро прищурилась примадонна, не желая отпускать захват. – Кричать будешь? «Насилуют!!!», да? Меня, кстати, Нинель звать. А тебя? А может, тебе заплатить? Может, ты из таких, которые...

– Отвали, плохая женщина, – насупился Март, неуловимым борцовским движением освобождаясь от захвата и отступая назад. – Я не шлюха, за ЭТО денег не беру. А тебя никто не учил, как нужно заводить знакомства? Если нет, я тебе тонко намекаю: хватать за руку первого попавшегося мужика и тащить его в машину – это не совсем то, что нужно делать в таких ситуациях. В лучшем случае тебя не поймут, а в худшем...

– Ой-е-е, какие мы правильные! – презрительно наморщила носик Нинель. – Ой, какой тяжелый случай! Ну, тут одно из двух. Ты прекрасно знаешь, что я подружка Черного, и просто боишься. Как же – а вдруг Черный узнает? Кастрирует ведь! Так? Или еще проще – ты полный импотент или педик. Ну какой мужик откажется от такой лапочки? Мррр? – Тут барышня грациозно изогнулась и этак простежки похлопала себя по попке.

Кто такой Черный, Март понятия не имел, но вредная особа попала в точку. Уела мужиковское самолюбие со всех сторон. Ну представьте себя на месте молодого диверсанта, кото-

рого обозвали ни за что ни про что трусом, импотентом и педерастом одновременно? Да и хороша собой была эта Нинель до умопомрачения – новоиспеченному кабацкому вышибале с такими красотками пока общаться не приходилось.

– Посмотри здесь, я отлучусь ненадолго, – ровным голосом распорядился Март, адресуясь к весьма своевременно вернувшемуся из сортира помощнику – кряжистому борцу Сене. И, ухватив Нинель за руку, без лишних слов потащил в свою подсобку.

Ой, что было в подсобке!

– Ай! – Вот междометие, которое многократно исторгалось из разверстых губ Нинель в последующие пятнадцать минут – на большее ее не хватило.

Однако не буду живописать в деталях подсобное действо – если вам исполнилось 18, посмотрите какой-нибудь нелегкий порнофильм с негритосами, и вы получите приблизительное представление о событиях этих пятнадцати минут. А вкратце было вот что: Март с ходу подверг легкомысленную примадонну суровому интиму и обрек ее восхитительную плоть на жестокие ласки, никоим образом не соответствующие его обычному обращению с прекрасным полом. И безо всякой, прошу заметить, контрацепции.

– Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! – мстительно прорычал мужественный воин, заканчивая процесс тремя мощными толчками и наполняя нутро девы своей животворящей субстанцией. Натянул штаны и сел на стул, с интересом наблюдая за девой. Полагал воин суровый, что дева зальется слезами от полученного унижения и, плача, убежит, обзывая его всякими нехорошими словами. Но ошибался воин – он хоть и суровый был, но еще молодой, профанистый во многих житейских мелочах.

– Ты просто прелесть! – лучезарно улыбнулась дева – вопреки ожиданию, мероприятие ей понравилось до чрезвычайности. – Когда заканчиваешь работу?

– В двадцать четыре ноль-ноль, – машинально ответил Март, мельком глянув на часы. – Через десять минут. А что?

– Я тебя жду в машине, – распорядилась Нинель, деловито припудривая личико. – Как закончишь, выходи. Повезу в приличное место, покормлю ужином, потом поедem ко мне. Смотри, не задерживайся, – и упорхнула из подсобки.

– Мазохистка? – обескураженно пробормотал незадачливый надругатель, выходя в холл. – «Повезу в приличное место»! А вот возьму и не выйду...

Через десять минут после закрытия бара Март – надушенный и хорошо причесанный, в новенькой хрустящей «косухе» – неспешно спустился со ступенек главного парадного входа и сел на заднее сиденье «Шевроле», проигнорировав возмущенный ропот троих стандартных искательниц приключений, которые выжидали неподалеку, когда стройный мачо обратит на них свой взыскательный взор. Сегодня мачо было не до них – любопытство одолевало. Борец Сеня успел сообщить Марту, что Черный – это тутошний бензиновый король и связываться с ним ни в коем случае не стоит. Головенку, мол, оторвут – «мама» сказать не успеешь.

– Черный, говоришь? – небрежно бросил Март, захлопывая дверь и пытаясь рассмотреть в подсвеченном огоньками панели полумраке салона физиономию водителя, массивные очертания которого наводили на самые противоречивые мысли.

– Ага, Черный, – воркующим шепотом подтвердила Нинель, обдавая щеку Марта жарким дыханием. – Но ты не бойся – я с тобой. А Сеня свой парень, – она кивнула в сторону водителя. – Он никому не скажет. Поехали, Сеня, – что-то я проголодалась...

Далеко, однако, ехать не пришлось. Едва вырулили со стоянки и завернули на трассу, как откуда ни возьмись – словно в хорошем боевике – выскочили две черные «Волги» и со скрежетом притормозили впереди, преграждая дорогу.

Нинель тихо ойкнула и схватила кавалера за руку. «Свой» Сеня резко сбавил скорость и деловито поинтересовался, не поворачивая головы:

– Бегаешь быстро?

– Не понял?! – удивился Март. – А что, собственно...

– Это парни хозяина – Черного, – нервно пояснил Сеня. – Открывай дверь и сваливай отсюда! Чего сидишь, олух? Не понимаешь, что сейчас с тобой сделают?! Давай вали – еще успеешь! Они не станут гоняться за тобой по пустырю – тяжелые. Ну?!

– Не нукай, не запрыг, – негромко ответил Март, начиная потихоньку разминать мышцы и дышать по системе – бежать он не мог, дама рядом была. Джентльмен в присутствии дамы не имеет права покидать поле битвы, это просто несолидно.

– Ну и дурак, – сожалеюще резюмировал Сеня и, адресуясь к даме, попенял ей: – Ну, Нинка, подставила ты парня! Не думаю, что Черный поверит, если я скажу, что это мой шурик из Одинцова. Да и проверить нетрудно...

– Я не хотела, – плаксиво проблеяла Нинель, отпуская руку Марта и забиваясь в угол – светская дама мгновенно куда-то улетучилась и уступила место перепуганной до смерти девочке. – Ты же говорил, что «хвоста» нету! Говорил?

– А и не было, – Сеня развел руками. – Наверно, у «Абордажа» выследили. Ей-богу, не хотел я туда ехать – душа не лежала! Слышь, парень, может, пока не поздно... Хотя нет – уже поздно.

Действительно, сзади неслышно подкатила еще одна машина, остановилась в двух метрах, слепя фарами, из нее неспешно выбрался какой-то субъект, сверх надобности хлопостнул дверью и, приблизившись к «Шевроле», сердито скомандовал:

– Свет!

Сеня послушно зажег свет в салоне и проявил инициативу: опустил переднее стекло справа.

– Ага! – Субъект просунул голову в окно и несколько секунд немигающим взором сканировал персону незадачливого ухажера своей любушки. Март от удивления разинул рот: показалось – Розенбаум! Ну просто копия. Лысый, с усами, правильный продолговатый череп. Хорошенько рассмотрев субъекта, Март закрыл рот и криво ухмыльнулся: да, показалось. Розенбаум – крепкий здоровый мужик, а этот – просто сильно засушенная копия. Или если Розенбаум, то после длительной тяжелой болезни, сразу с госпитальной койки – сильно постаревший, похудевший и вообще, поношенный какой-то, скукожившийся.

– Болел, что ли? – не к месту поинтересовался Март и вдруг прыснул нездоровым дребезжащим смешком.

– Е...лся от страха, – сделал вывод субъект и, ткнув пальцем в глубь салона, распорядился: – Шалава – ко мне в машину. Бегом! Ты, козлик, выходи сюда. Сеня – это, случаем, не твой шурик из Одинцова?

– Гхм-кхм... – неопределенно проямлил внезапно покрасневший Сеня, Нинель послушно выскочила из «Шевроле» и усеменила к светящей сзади фарами машине, а Март, как и приказали, покинул салон и встал рядом с субъектом, скрестив руки на груди.

– Успел засадить? – деловито поинтересовался Черный, потыкав пальцем в сторону своей машины.

Март покаянно развел руками и застенчиво прочистил горло – что поделать, было, так было!

– Ну и как? – Черный потащил из кармана портсигар и, прикурив сигарету, с силой дунул собеседнику дымом в лицо.

– Сказка! – не стал лукавить Март – только поморщился да отступил на шаг. – Ваша дама, шевалье, – это просто чудо какое-то. Только вы не дуйте – я не курю...

– «Сказка»! – передразнил Черный, проигнорировав последнее замечание оппонента. – А то! Других не держим. Все – высший сорт. Только тут небольшая проблемка, козлик...

– Если вам так нравятся животные, лучше зовите меня орлом, – вежливо поправил Март. – Мне кажется, я больше похож на орла, нежели на козлика.

– Проблемка в том, козлик, что это моя «сказка», – лицо Черного скривилось в озабоченной гримасе. – Это мой город. Мои машины. Мои люди. Мои деньги. И «сказка» – тоже моя. Понимаешь?

– Я приношу свои извинения, – скорбно произнес Март – чувствовал себя виноватым, потому не грубил, не пытался обострять обстановку. – Обещаю, что больше не буду баловаться с вашей «сказкой».

– Ты больше ни с кем не будешь баловаться, козлик, – торжественно и печально пообещал Черный. – Потому что ты посягнул на мое имущество, а я этого никому не прощаю. Если бы прощал, то был бы нищим. Я не бандит, я предприниматель. Понял? Но за свое имущество людей на куски рву – поэтому никто не посягает. Ты понял? Все боятся.

– Я, пожалуй, пойду домой, – Март смиренно изобразил поклон. – А то вы сердитесь, мне кажется. Подвозить не надо – тут рядом.

– Ты вот что: выбирай, – Черный подскочил к оппоненту и ухватил его за рукав куртки. – Идешь к моей машине, вставляешь башку в окно сзади – там Нинка сидит, – водила стекло подымет и шею тебе защемит. Ты штаны снимешь, а я тебя по голой жопе ремнем отлущу, – тут он свободной рукой распахнул полы элегантного пиджака и показал массивный кожаный ремень, опоясывающий худосочные чресла. – Я тебя буду лупцевать, ты будешь орать от боли и рожи корчить. Нинке наглядный урок, и тебе позор, потому как ты прелюбодеянием занимался. Ты сколько раз Нинке качнул?

– Я не считал, – признался Март. – Было так здорово, что про все забыл. Но барахтались мы довольно долго – минут пятнадцать, не меньше.

– Ну вот и я тебя буду лупцевать долго, – сообщил Черный. – Пока твоя жопа не посинеет.

– Не нравится мне это, – Март осторожно попытался освободиться – оппонент только крепче вцепился, хватка у него была как у бульдога, несмотря на кажущуюся невзрачность. – Есть другие варианты?

– Есть, обязательно есть, – торопливо закивал Черный. – Мы не уголовники, потому в попу драть тебя не будем. И сосать не будем заставлять – не наш стиль. Другие бы заставили – попробовал бы ты, допустим, у Махно бабу отбить... Нет, мы просто тебя сильно побьем. Поломаем ребра, морду поломаем в трех местах, почки опустим, ноги поломаем, руки поломаем, селезень порвем... выбирай, короче: пять минут позора или побои, от которых станешь инвалидом. Я тебе скажу так: лучше иди, башку вставляй в окно. Жопа быстро заживает – пару ночей поспишь на животе, и вся недолга...

– У вас богатый личный опыт, – надерзил Март – почуял, что близится развязка, более нет смысла придерживаться ложных приличий. – Но мне и это не нравится. Предлагаю третий вариант.

– Ну-ка, ну-ка? – Черный заинтересованно склонил голову набок. – И что это будет?

– Я просто надаю пи...дюлей вашим хлопцам и пойду ужинать, – скромно сообщил Март. – Такой вариант вас устроит?

– Во как! – удивился Черный и неожиданно согласился: – Ну, давай – посмотрим, как это у тебя получится. Эй, ну-ка, все ко мне!

«Волги», дремавшие спереди, мгновенно разродились массивными темными фигурами, которые валкой трусцой направились к «Шевроле».

«Шестеро, – быстро посчитал Март силуэты, приближающиеся в свете фар. – И действительно – тяжелые. Где Черный таких амбалов набрал? Нехорошо – если правильно возьмут в оборот, утопчут на три счета...»

– Давай, крутой, давай! – ласково ободрил Черный, юркая на переднее место и захлопывая за собой дверь. – Каратист никак?

– Вышибала, – поправил Март, страшным ударом в челюсть валя первого приблизившегося и тут же пиная в пах следующего за ним. Минус два. Нападавшие – парни удивительно

здоровые, но плохо организованные – допустили непростительную тактическую ошибку: валиком двинулись к объекту атаки, на небольшом промежутке в десять метров растянулись в цепь и теперь попали под маховики Марта чуть ли не в колонну по одному.

– Кто ж вас этому научил, родимые? – возмутился Март, прыгая задницей на пологий капот «Шевроле» и лягая обеими ногами в грудь очередную жертву. Жертва утробно харкнула на выдохе, вспорхнув спиной вперед, грузно плюхнулась на бегущего сзади и не мягко уронила сотоварища на асфальт с каким-то нездоровым стуком. К визгу ударенного в пах тут же примешалось громкое мычание стукнувшегося головой и мучительный стон вспорхнувшей жертвы. Минус четыре.

– За что деньги платят? – посетовал Март, ныряя под размашистый свинг одного из оставшихся на ногах и несильно бия его ребром ладони в кадык. Схватившись за горло, здоровяк захрипел и стал медленно оседать на асфальт.

– А теперь – просто спарринг, – повеселел Март, оставшись один на один с последним оппонентом. – Ма-а-аленький такой спарринг, игрушечный!

Оппонент оказался не дурак – видимо, оценил спонтанно раскрывшиеся возможности противника. Прянув назад, он рванул «молнию» куртки и полез за пазуху, судорожно ища что-то под мышкой. Март не стал дожидаться окончания поисковых работ: длинным прыжком сократил расстояние и тщательно рассчитанным ударом ноги в голову снес бедолагу с дорожного полотна. Мало ли чего там у него? Фары светят, полумрак, хрен разберешь!

– Они что у тебя – с пушками? – поинтересовался победитель, восстанавливая дыхание и зорко наблюдая за возящимися на асфальте противниками.

– Я им эти пушки в задницы повставляю, – досадливо буркнул Черный, на всякий случай задраивая окно со своей стороны, и категорично распорядился: – Сеня – вперед! Исправляйся!

Сеня выпростался из салона и медленно пошел к Марту – судя по всему, ему страшно не хотелось конфликтовать с мачо, внезапно проявившим такие незаурядные бойцовские навыки. Однако хозяин дал команду – послушаться нельзя.

– Я тебя не больно побью, – шепотом пообещал Март, когда водила «Шевроле» приблизился на годную для боя дистанцию, и лениво выбросил вперед здоровенный кулак, никуда конкретно не целясь. Легко уклонившись от удара, разведчик поймал вращательный момент и бросил Сеню через бедро, страхуя за руку. Водила мягко плюхнулся на асфальт, взвыл в три раза сильнее положенного – Март симитировал добивающий удар в голову и, оставив лежать притворившегося бессознательным парня на обочине, вплотную приблизился к отдыхавшему за стеклом Черному.

– А в твоей тачке водила есть? – буднично поинтересовался победитель, кивнув на светящую в зад «Шевроле» машину.

– Есть, – нимало не смутившись, ответил Черный. – Но он слабый. Не дерется.

– Надо было сразу соглашаться с моим вариантом, – попенял Черному Март. – И не нужно было бы никого травмировать. Ты почему такой недоверчивый? Я же сказал: надаю пи...дюлей и пойду ужинать. Нужно верить людям!

– Такое видел только в кино, – признался Черный, доставая портсигар и щелкая зажигалкой – руки бензинового короля слегка дрожали. – Только ты забыл одну старую истину, парень. Бог создал людей сильными и слабыми, а Смит и Вессон уравнили их. Ты меня понял?

– Если бы ты видел, как я стреляю, то не говорил бы так, – назидательно сообщил Март и пошел прочь, присовокупив: – Покеда. Я ужинать пошел...

– Вот это ты влип, Андрюха, – озадаченно пробормотал Жора, когда на следующий день Март сообщил ему о событиях вчерашнего вечера. – Теперь жди разборок... Так, я звякну пацанам, пусть подъедут, подежурят...

До обеда в «Абордаже» заседали полтора десятка ветеранов-«афганцев», вызванных Жорой на случай планового обострения обстановки. Парни были тертые и битые, каждый

стоил троих необстрелянных амбалов и готов был встать грудью за коллегу. Смушало одно обстоятельство: ни у кого из ветеранов не было оружия. Ладно, если мстители просто захотят помахать конечностями – в этом случае расклад будет вполне паритетным, с легко предсказуемым финалом. А если подъедут к бару и начнут стрелять через витрины, не выходя из тачек?

– Ментам, что ли, позвонить? – высказал свои соображения мнительный Саша, когда радио пропикало полдень. – Черный – еще тот фрукт, от него можно чего угодно ожидать.

– Обойдется, – с деланой беспечностью махнул рукой Жора – в баре сидели проверенные мастера ратного дела, шутили и потребляли пиво, как будто ничего и не случилось, видимых причин для беспокойства пока не было.

Ситуация разрешилась в 13.00. Стоявший на стойке бара антикварный телефон (упертый, по слухам, из какого-то губернского управления ВЧК еще в 1953 году папахеном Жоры) грозно выдал казенную трель. Саша взял трубку, отрывисто сказал:

– Да, – затем нахмурился и, прикрыв трубку рукой, сообщил Марту: – Тебя. Черный. Началось?

– Наверно, сидишь и ждешь, когда я приеду разборки наводить? – прозорливо поинтересовался Черный, когда Март взял трубку и представился. – Наверно, собрал взвод «афганцев» и окопы выкопал перед баром?

– И гранатометные расчеты на танкоопасных направлениях посадил, – в тон ответил Март, подивившись осведомленности собеседника. – Ты откуда все знаешь?

– Справки наводил, – охотно сообщил Черный. – Ты вчера там брякнул – мол, и стреляю не хуже, чем дерусь... Ну я и заинтересовался: что за фрукт такой? И навел. Так что – сидишь, оборону держишь? И однополчан собрал, а?

– Сiju, – признался Март. – Говорят, что от тебя можно ждать чего угодно. Вот и жду.

– За кого ты меня принимаешь, Андрюха?! – притворно обиделся Черный. – Я предприниматель, а не бандит – тебе же вчера русским языком было сказано. Ты вот что: отпусти всех своих и езжай ко мне. Дело есть.

– Ага, разогнался! – желчно буркнул Март. – Добровольная сдача в плен – суть предательство родины.

– Ты думаешь, я в обиде за Нинку? – удивился Черный. – Да у меня они меняются как перчатки – недельку покаталась на «Шевроле» – и пошла к черту, другие в очереди стоят. Просто вчера она меня бортанула: сказала, что к родственникам в Мытищи поедет, а сама шляться наладилась. Вот я и осерчал маленько. Парни мои все в норме: у двоих легкое сотрясение мозга, у одного челюсть сломана – всего-то лишь. Так что не волнуйся – никто на тебя зуб не точит.

– А что за дело? – настороженно поинтересовался Март.

– Иди ко мне начальником охраны, – с плеча рубанул Черный. – Негоже такому спецу вратарем в кабаке околачиваться!

– Меня и здесь неплохо кормят, – Март криво ухмыльнулся. – Крыша над головой есть, на жизнь хватает.

– Ага – неплохо. Полтинник в неделю, топчан в подсобке, шалавы грязные ежедневно и переперченный гриль на ужин, – Черный опять проявил незаурядную осведомленность. – А ты уже не мальчик. Скоро у тебя будет язва желудка и двенадцатиперстной кишки, ты обязательно подхватишь триппер, хламидиоз, сифилис и простатит, а через пару лет превратишься в развалину. Ты вообще как себя видишь в перспективе?

– В перспективе? – несколько растерялся Март – напористость и менторский тон собеседника сбили его с толку. – Ну, не знаю... А что меня ожидает, если я соглашусь на твое предложение?

– Вот это другой разговор, – обрадовался Черный. – Ты не торопись прощаться со своим баром. Возьми отгулы, с недельку посидишь у меня на испытательном сроке. Если покажешься,

значит, будем работать. Не понравится что-то – вернешься. Ну, мне не понравится или тебе не понравится – там видно будет. Ничего не теряешь.

– Вот даже как! – Март озадаченно почесал трубкой висок. – А я думал...

– Индюк тоже думал, да в суп попал, – начальственным тоном сообщил Черный. – Ты поступаешь на работу в солидную фирму, без испытательного срока никак нельзя. Я должен к тебе приглядеться. Предварительные условия таковы: я снимаю тебе квартиру неподалеку от себя. Кормлю нормальным обедом, завтраком и ужином – я не привык питаться как попало, гурман. Плачу две тысячи рублей в месяц. Усекаешь? Две тысячи. Когда будешь не при моей персоне, тебе выделяется служебная машина. Если нормально работаешь в течение трех месяцев, квартира переходит в твою собственность. Устраивает?

– Гхм-кхм... – У Марта вдруг образовался комок в горле: условия были какими-то фантастическими, как, впрочем, и само предложение. – Слушай, Черный... Мне это... ну, с ребятами посоветоваться надо.

– Советуйся, – разрешил Черный. – Трубку не клади, я жду. И потом: запомни раз и навсегда – Чернов Владимир Николаевич. Это я. Черным меня кличут всякие убогие придурки из уголовной среды, которые привыкли на каждого человека погоняло вешать. Владимир Николаевич – запомни, пожалуйста.

– Что? – нетерпеливо спросил Жора, наблюдая за изменившимся в лице приятелем. – Чего хочет?

– Предлагает идти к нему начальником охраны, – потерянно пробормотал Март. – Вот так вот – раз, и... Владимир Николаевич, говорит... Две штуки в месяц, квартиру, машину и все такое... Черт его знает, короче.

– Бегом! – эмоционально воскликнул Жора. – Все бросай – и вперед. От таких предложений не отказываются. Бегом! Ты еще сомневаешься?

– Вы ж сами говорили – от него можно чего угодно ожидать, – Март пожал плечами. – Как-то неожиданно все. Я, право, затрудняюсь...

– От него действительно можно ожидать чего угодно, – подтвердил Саша. – Но – поверь мне на слово – от такого предложения нельзя отказываться. Ты что, всю жизнь собираешься вратарем в нашем баре торчать? А Черный – это фигура. Это будущее. Какие такие сомнения могут быть? Соглашайся, и баста.

– Значит, говорите, неделя испытательного срока? – уточнил Март, неожиданно для себя переходя на «вы», – абонент вдруг обрел неведомую ранее значимость, обусловленную скоропалительными отзывами авторитетных для бывшего разведчика людей.

– Десять дней, – прибавил Чернов. – За это время присмотримся друг к другу получше. Давай прямо сейчас езжай ко мне в офис. Да поторопись – я и так уже потратил на тебя массу времени...

На следующее утро Владимир свет Николаевич был спрононок немало удивлен, когда, выйдя из своей квартиры, обнаружил на лестничной клетке разодетого как на бал Марта, скупающе наблюдавшего в окно за телохранителями, сидевшими, как обычно, у подъезда в двух «Волгах». В доме ютилась администрация города и прочие важные чиновники, в вестибюле сидел круглосуточный милицейский пост, посторонних к жильцам пускали только после предварительного запроса по интеркому.

– А... а ты как тут? – сонно зевая, выразил вялое недоумение Чернов.

– А по пожарной лестнице, через чердак, – в тон отвечивал Март. – Вы убиты, Владимир Николаевич. Милиция тремя этажами ниже, охрана ваша на улице – враг успел допросить вас в режиме «Б», расчленил на мельчайшие кусочки и спустить в мусоропровод. Нехорошо! Охрана объекта должна осуществляться непрерывно, целенаправленно и активно. Ну, по крайней мере, за полчаса до выхода объекта из хорошо защищенного помещения.

– Ннн-да, красавчик, – отметил Чернов, оглядев Марта со всех сторон и покачивая головой. – Ну прямо главный администратор «Метрополя» – ни дать ни взять... Куда там моим мешкам! И в голову не придет, что ТАКОЕ может драться и стрелять, как целый взвод... А что ты там говорил об охранных навыках?

– Неоднократно возил генералов и представителей администрации, – отрапортовал Март. – За пять лет, что возил, завалили только двоих. Но в тот раз мы «духам» тоже вломили по первое число – мало не показалось.

– Неплохая статистика, – озадаченно заметил Чернов, спускаясь по широкой мраморной лестнице. – Двоих, говоришь... Ннн-да... Неплохо. Мне бы еще парочку таких вот – чтобы тройка была. Тогда бы я был вообще спокоен.

– Не надо вам таких, – опроверг Март, следуя на три ступени ниже хозяина. – Я, конечно, не в курсе теперешних тонкостей, но, если следовать моему военному опыту, вам нужно вот что: две совершенно одинаковые машины – чтобы вообще ничем не отличались друг от друга. А лучше – три. И садиться каждый раз в другую машину, чтобы враг определенно не знал, где вы в настоящий момент располагаетесь. На трассе пару раз обогнали друг друга – уже заминка, нет уверенности, что объект там, где нужно. В охрану набрать людей, внешне похожих на вас, побрить, всем отпустить усы, надевать те же костюмы, что носите вы, двигаться в той же манере, такой же походкой. Желательно, чтобы все – и вы, разумеется – носили одинаковые черные очки. Очки в массе обезличивают персону, скрывают глаза – один из основных признаков индивидуальности...

– Ну наговорил! – возмутился Чернов, кивая в вестибюле дежурным ментам, с изумлением воззрившимся на Марта. – Чтоб я катался на такой же тачке, как и моя охрана? Ходил в таком же костюме? Да ты что, малыш, – совсем? Нет, я понимаю – если, скажем, условия повышенной опасности, война там или еще что... Но у нас пока все нормально. Так что оставим пока все как есть – не взыщи...

Испытательный срок Март выдержал без проблем. Доставшиеся ему под начало «мешочки», несмотря на страшную нелюбовь к дисциплине, распоряжения новоявленного начальника охраны (ранее они прекрасно обходились без такового – хозяин сам командовал, когда нужно) нехотя выполняли. Слишком свежи были печальные воспоминания о битве на дороге, не сошли еще ссадины и синяки на телах молодецких. Однако полноценных секьюрити из них вылепить никак не получалось: не бывавшие в армии спортсмены никак не могли взять в толк, чего от них хочет настырный начальник и зачем тратить драгоценное личное время на отработку взаимодействия в нестандартных ситуациях.

– Да на хера оно надо? Если кто наскочит, так мы моментом отоварим всех подряд. Тем более с таким начальником...

Недели через три в положении Чернова что-то неуловимо изменилось. Он стал раздражителен сверх меры, скрытен, почти перестал вечерами посещать любимые рестораны и перемещаться по городу в темное время суток, из офиса сразу направлялся домой, а деловые поездки, коль скоро таковые были действительно необходимы, планировал на утренние часы – до полудня.

– Нам кто-то угрожает? – поинтересовался Март, заметив резкие перемены в настроении шефа.

– Это мои проблемы, – буркнул Чернов. – Твое дело – охрана, вот и занимайся.

– Те генералы, которых убили... Ну, помните, я рассказывал – двое. Они оба знали, что на них готовится покушение, – индифферентно высказался Март. – Это я уже потом узнал. Мол, Ахмат заказал головы именно этих генералов – не просто послал группу в рейд, пакостить помаленьку, а целенаправленно на охоту за ними. И командованию якобы было известно об этом. А командира группы сопровождения – меня, то бишь – никто в известность не поставил. Как же – какой-то вшивый старлей, на хрена его посвящать в политические вопросы? Его дело –

разведка трассы и проводка колонны. А если бы я знал, наверняка дело окончилось бы по-другому.

– У меня возникли трения с одним представителем азербайджанской общины, – верно оценив сообщение Марта, поделился Чернов. – Я сильно потеснил его на рынке сбыта – он гонит с Кавказа дрянной бензин, на три кондиции хуже стандарта. Ну, естественно, обиделся. Формально я со всех сторон прав – меня в этом вопросе городская администрация поддерживает. Ннн-да... Но этому козлику плевать на мою правоту, у них свои законы. Тут нужно вопрос жестко решать, силовым давлением. А не хотелось бы – на этом хлопце держится треть моего дела. В общем, если я в течение последующей декады не додавлю его мирно по всем направлениям, возможны большие неприятности...

Неприятности случились гораздо раньше – спустя двое суток после состоявшегося разговора. Имел место понедельник, над столицей серело такое же неласковое ноябрьское утро, кортеж из трех автомашин – две «Волги» и представительский «Ниссан» Чернова – быстро двигался от головного офиса к окраине. Чернов ехал инспектировать три свои автозаправки, располагавшиеся в Ясенево.

Март сидел на переднем сиденье «Ниссана», рассеянно слушал десятичасовой выпуск «Новостей», изрыгаемый качественными колонками «Пионера», и поглядывал по сторонам. Вообще-то, по расчету, составленному им собственноручно, руководителю охраны полагалось наблюдать за действиями подчиненных и осуществлять общее руководство в случае возникновения нештатной ситуации. Первые три номера, следующие в головной «Волге», должны наблюдать вперед-вправо и о любых подозрительных проявлениях докладывать шефу.

– Что значит «подозрительные проявления»? – «прикололся» на инструктаже один из «шкафов». – Мужик с пулеметом? Или противотанковая мина на дороге?

Да, с таким настроением организовать качественную охрану кого бы то ни было довольно проблематично. На предупреждение начальника о неблагоприятной обстановке и необходимости усилить бдительность «шкафы» отреагировали стандартно:

– Пусть только сунутся – всех подряд заколбасим! Тем более – с таким начальником...

Четвертый, пятый и шестой, следующие в замыкающей машине, должны контролировать, соответственно, сектора сзади-слева и опять же – докладывать, если вдруг что. Но поскольку при посадке Март не обнаружил на лицах своих подчиненных того самого здорового энтузиазма и охотничьего азарта, на коем и зиждется любая оперативная работа, пришлось самому крутить башкой на триста шестьдесят градусов и подозревать всех подряд.

Шеф дремал, развалившись на заднем сиденье. Водила – тот самый шевролейный Сеня, который подменял приболевшего «руля» хозяина, тоже сочно зевал и тер глаза. Почему с утра они все такие вялые? Марта всегда занимал этот вопрос, с того момента, как он попал на работу к Чернову. Сам он, в отличие от своего нового окружения, ежеутренне испытывал легкую бодрость и заметный подъем настроения. Миновала ночь с ее страхами и опасностями, новый день начался – радоваться надо! Ладно, если ты всю ночь топал в рейде или торчал в засаде – тогда утренняя леность оправдана. Но эти дрыхнут по девять часов кряду, никто их не напрягает утром насчет марш-бросков и полосы препятствий – и все равно: зевают, глаза трут, пристраиваются дремать, едва третьей точкой почувствуют надежную опору. Может, пьют накануне чрезмерно? Что за мужики такие...

Рассуждения Марта прервала новенькая «девятка» цвета «морена», проскочившая мимо кортежа на крейсерской скорости. Против отечественных моделей Март ничего не имел, но «девятка» ему отчего-то не понравилась. С чего бы вдруг? А вот: догнала, несколько секунд шла по правой полосе вровень с «Ниссаном», затем вновь надала и вскоре скрылась за поворотом. Показалось мнительному начальнику охраны, что водила девяточный поменял скоростной режим намеренно, дабы скрытые за тонированными стеклами пассажиры могли рассмотреть хорошенько, кто сидит в «Ниссане». Что это – простое любопытство или нечто большее?

Март с сомнением глянул в зеркало – шеф по-прежнему дремал на заднем сиденье, вольготно раскинувшись на комфортабельной подушке. Сеня проводил «девятку» безразличным взглядом, «уоки-токи», который Март держал в руках, стойко молчал: никто не желал поделиться информацией с начальником охраны.

Сразу за поворотом дорогу перегораживал железнодорожный шлагбаум, закрытый по случаю приближения небольшого товарного состава. Кorteж встал. Март опустил стекло и, высунув голову в окно, полюбовался перспективой. Вредная «девятка» успела проскочить шлагбаум и теперь, не торопясь, катила по ровному как стрела шоссе, пролегавшему через лесопарковую зону. И опять поведение отечественной модели не понравилось Марту. Значит, догнали, поглазели, обогнали, опять сбавили скорость и ждем?

– У нас неприятности, – ровным голосом сообщил Март. – Владимир Николаевич, вы слышите?

– Рассказывай... – хрипло потребовал Чернов, очнувшись от дремы.

Пока через переезд грохотал состав, Март вкратце поделился своими сомнениями. Чернов тревожно нахмурился, пожевал губами, затем хмыкнул и решительно помотал головой.

– Нет. Это исключено.

– Почему? – обескураженно спросил Март.

– Трасса слишком оживленная, машин много, – принялся перечислять Чернов. – Проматривается насквозь, через два километра круг, там ГАИ, и там же, рядышком, наши заправки. Они что, по-твоему, совсем сдурели?! Средь бела дня, в черте города, рядом с ГАИ, куча свидетелей... (Напомню, действие происходит в конце 1988 года, тогда еще было немодно расстреливать деловой люд у парадного входа областных УВД.) А то, что после переезда резко сбавила скорость, – вон, смотри, знак. Парковая зона, дети частенько через дорогу бегают. Нет, ты, наверно, перенервничал накануне. На этом маршруте нам ничего не грозит. Вот если б мы за город выехали – тогда да, это я понимаю. Трогай, Сеня...

К этому времени как раз уполз за шлагбаум состав, и corteж вновь начал движение. Март открыл было рот, чтобы предложить отправить на разведку головную «Волгу», а самим пока подождать, но напоролся в зеркале на скептический взгляд шефа и промолчал. Да уж! Вот и организуй тут что-нибудь при таком отношении...

– Ее нету, – неожиданно прорезался Сеня. – Исчезла.

– Кого нету? – встрепенулся Чернов.

– «Девятки», – Сеня пожал плечами. – У меня глаз-алмаз, я вам точно говорю – на нашей стороне до самого круга ни одной «девятки».

Март вновь высунул голову в окно, цепким взглядом обшарил видимый глазу участок шоссе. Действительно, подозрительная тачка пропала. Состав полз через переезд не более двух минут, «девятка» двигалась со скоростью что-то около 20 км/ч и в настоящий момент должна находиться где-то посредине двухкилометрового отрезка между рельсами и кругом.

– Сеня, до круга поворот есть? – замогильным голосом спросил Март.

– Нету, какие тут повороты? – не задумываясь, ответил Сеня. – Кусты кругом, въезд запрещен.

– А заезд на подстанцию? – подсказал Чернов. – И вообще, при чем здесь повороты?

– Там тупик, – Сеня пожал плечами. – Туда никто не поворачивает.

– Нет, ты скажи, при чем тут... – начал было настырный Чернов, но Март неожиданно гаркнул басом, грубо прерывая начальника:

– Где этот тупик?!

– Да вот он, чего орешь? – болезненно поморщился Сеня, тыкая пальцем перед собой. – Вон, смотри, сейчас будет знак...

А Март уже и сам увидел: прямо посреди шпалеры с акацией знак тупика, сразу за ним какой-то намек на съезд с шоссе и... понизу, из-за кустов, едва заметный дымок выхлопной

трубы. Но самое неприятное заключалось в том, что данное безобразие располагалось в каких-нибудь двадцати пяти метрах, и «Ниссан», едущий со скоростью 30 км/ч, обещал расправиться с этим мизерным отрезком за три секунды.

Идущая впереди в пятнадцати метрах «Волга» проскочила поворот на подстанцию и заскрежетала тормозами.

– Не понял... – нахмурился Сеня, убирая ногу с акселератора.

– Там... хррр-пк! – и три всхлипа неразборчивых – вот что выдал «уоки-токи» в руках начальника охраны.

– Газу! – рывкнул Март – Сеня, молодец, подчинился, не задумываясь, – бухнул зависшую было в воздухе ступню на акселератор. «Ниссан» приемисто скакнул вперед, Март опять рывкнул: – Держись! – и, ловко оперев ступни чищенных до лакового блеска туфель в приборную панель, вероломно рванул руль вправо – Сеня даже глазом моргнуть не успел.

Грузный «Ниссан» податливо вильнул на обочину, вошел в шпалер акаций как раскаленная спица в масло и, лишь чуть потеряв в скорости, со всего маху упорол в бочину «девятку», хищно затаившуюся на перпендикулярной шоссе.

Бу-бух! Трррыньк – тарарам!!! – ах, что это был за удар! Самого отпетого гаишника инфаркт бы хватил, полюбуясь он на такое распрекрасное ДТП! «Ниссан» массивным бампером угодил аккурат посередине несчастной «девятки», смял среднюю стойку, сплющил распакнутую заднюю дверь и, подцепив, как кабан рылом, отечественную модель, метров восемь переехал наискось по второстепенной дороге, сметая в кусты расположившихся с противоположной стороны в шеренгу мужиков с автоматами. Скрежет, грохот, яростные вопли, полные отчаяния, и отборный мат – вот таков был аккомпанемент этого неожиданного происшествия. Стелкам – а было их четверо – отчасти повезло, совсем мертвым выглядел только один, остальные трое вяло подавали признаки жизни. Окажись они по другую сторону от «девятки», получился бы отменный гуляш для небольшого острова новозеландских пиплоедов. А отборный мат изрыгал, как вы уже, наверно, сами догадались, господин Чернов. Он не отреагировал на «держись» Марта, крепко стукнулся носом и не успел еще насладиться всей прелестью чудесного избавления от кинжального огня из четырех стволов.

– Комментарии нужны? – бодро поинтересовался Март, выбираясь из салона и оценивая обстановку – все четверо застрельщиков были азербайджанцами; чтобы понять это, достаточно было одного взгляда.

Чернов наконец протер как следует глаза, просморкался кровью, испортив батистовый платочек с фирменным вензелем, и помотал головой – нет, в комментариях надобности не было.

– С меня пузырь, – слезливым голосом пробормотал бензиновый король. – Однако нужно быстро сваливать отсюда – сейчас гаишники подскочат...

В течение следующих нескольких дней бензиновый король оперативно поменял свою систему охраны. Март отобрал из знакомых ветеранов шестерых, сходных по внешности с Черновым, заставил всех побриться налысо и велел отпускать усы. Шестерку одели в деловые костюмы, мало чем отличающиеся от того, что имел обыкновение носить Чернов, и вся эта ватага – совместно с хозяином – перемещалась по городу на трех черных «Волгах», нацепив одинаковые дымчатые очки. Обитатели кругов, в которых вращался Владимир Николаевич, наперебой над ним подшучивали, но он эти шутки стоически проигнорировал и не пожелал идти на поводу общественного мнения.

В это же время в жизни Марта произошло несколько приятных событий, наступления которых он, разумеется, втуне ожидал, но отнюдь не столь быстро. Квартира, которую снял для своего начальника охраны Чернов, за чудовищно короткий промежуток времени оказалась вдруг приватизирована на имя Марта, обставлена с ног до головы нерусской мебелью и телефонизирована сразу двумя номерами – служебным и личным. С пропиской тоже про-

блем не возникло, даже паспорт таскать по инстанциям не потребовалось – какой-то шустрый пацан сбежал. Рядышком с квартирой образовался гараж в кооперативном товариществе, в котором (гараже, а не товариществе) засуществовала самостоятельной жизнью новенькая «восьмерка», оформленная дарственной, опять же на имя Марта. А в трех отделениях сбербанка рядом с местом проживания возникли счета общей суммой пятнадцать тысяч рублей – по пять на книжку, чтобы в глаза не бросалось. И на чье имя эти счета были записаны? Правильно, угадали. Как видите, бензиновый король умел щедро награждать своих людей за рadeние. Однако же и вкалывать за свои щедроты заставлял на все сто.

– У меня возникла проблемка, – доверительно сообщил Владимир Николаевич Марту в конце недели – они отдыхали на даче Чернова в Химках. – Азербайджанцев я вроде бы обул, но есть один нехороший человек, который мирно жить не хочет. А почему не хочет? Криминал, авторитет, воровской мир его поддерживает. От него вся смута – это он устроил на меня засаду в Ясенево. Да ты, наверно, слышал о нем. – Тут Чернов придвинулся поближе и шепнул на ухо Марту имя, известное, пожалуй, всей деловой Москве.

– Знакомое имечко, – Март ответил ровно, но втуне весь напрягся, заledenел орлиным взором. Он уже понял, к чему клонит Чернов, и теперь лихорадочно соображал, какую же линию поведения избрать. Существовало, увы, только два варианта – отказаться или согласиться, третьего было не дано. Округлить глаза и, ударив себя кулаком в грудь молодецкую, воскликнуть: «Да ты что, шеф, за кого ты меня принимаешь?! Такого светлого и чистого...»

Это просто, это хорошо – умыл руки, и в сторону. Но тогда черт его знает, как сложатся их дальнейшие отношения. Это же ведь не стольник взаймы попросить – человек открыл тебе тайну, поведал о сокровенном, ожидая соответствующей реакции, а ты, образно выражаясь, послал его в задницу. За все благодеяния. Так-так...

А может, не моргнув глазом, выдать: «Забудь о нем, считай, что его уже нет...» – и таким образом перескочить ту самую заветную грань, что делит наш мир на две неравноправные категории. На тех, что «твари смердящие», и тех, что «право имеют»... Ага. И сидеть всю жизнь на крючке, ожидая, что в любой момент от тебя могут потребовать услуг аналогичного характера. Черт, как же поступить?!

«Посмотрю на мимику, интонацию послушаю, – решил Март. – Если глазами бегать будет и заикаться начнет, откажусь. Да, я воин, я убивал людей... но это было в бою, и те люди являлись врагами. И пусть товарищ, имя которого прозвучало из уст шефа, – конченная сволочь, это ровным счетом ничего не значит...»

– Так вот, – после недолгой паузы продолжил Чернов – вещал спокойно, доброжелательно глядя на собеседника, словно собирался шоколадным мороженым угостить. – Эту тварь нужно немедленно убрать... Это враг, и он не уймется, будет продолжать гадить...

– Гхм-кхм... – многозначительно кашлянул Март, желая вставить слово.

– Не торопись, малыш, я не все сказал, – жестом остановил его хозяин. – Вот смотри: из СИЗО тебя вытащили, от статьи отмазали, работу дали и крышу над головой – пусть плохонькую, но тем не менее... А когда ждали наезда с моей стороны, целый взвод готов был за тебя костями лечь... Это как понимать?

– Боевое братство, – несколько озадаченно пожал плечами Март. – Корпоративная спайка, взаимовыручка, если хотите... Ну, как вам объяснить? Вам, не воевавшим, этого не понять... А вы к чему это, Владимир Николаевич? Сомневаетесь в людях, которых я набрал в охрану?

– Да нет, при чем здесь это? – досадливо поморщился Чернов и тут же перешел к конкретике: – Вот что... Я хорошо заплачу. Poiщи среди своих боевых братьев ребят, которые хотят заработать. Конфиденциальность гарантирую – но пусть это будут парни не из моей охраны, это обязательное условие. Ты понял? Я даю тебе деньги, ни о чем не спрашиваю. Ты находишь людей. Заказчика, сам понимаешь, называть не нужно... Ну как?

– Гхм-кхм... – опять прокашлялся Март. Хитромудрый Чернов неожиданно предложил третий вариант. Неплохо, неплохо... Никто не заставляет тебя убивать человека за бабки. Просят лишь подыскать парней, которые возьмутся за это грязное дело. Это многое меняет.

– Сколько... Сколько ЭТО стоит?

– А хрен его знает, малыш, – Чернов беспечно развел руками. – Никогда не занимался, понятия не имею. Это дебют – ситуация так сложилась. Если я его не уберу, он в один прекрасный момент доберется до моей глотки... Поговори, спроси, сколько они возьмут. Ну, давай, на всякий случай, определим лимиты: учитывая важность персоны... от двадцати до сорока тысяч рублей. Если что-то наметится, скажешь мне – я тебе вручу задаток.

– Хорошо, поищем, – пообещал Март. – Гарантий не даю, но... может, и сыщутся такие хлопцы...

Через два дня после того разговора в криминальном мире столицы произошло весьма незаурядное событие. В «верхнем» кабинете одного из ресторанов Москвы были обнаружены тела азербайджанского вора в законе Муслима и двух приближенных к нему авторитетов – Гасана по кличке Бек и Нияза – совсем без клички. Судя по тотальному бардаку, царившему в помещении на момент обнаружения трупов, в кабинете приключилась тривиальная поножовщина: все трое зарезаны, орудия убийства числом два находились на месте преступления.

Версия внутриклановой разборки устраивала очень многих: своенравный Муслим в последнее время вел себя крайне некорректно – и не только по отношению к славянам, с земляками тоже особенно не миндальничал. Кроме того, вор очень сильно тормозил решение вопроса о разделе бензинового рынка, не желая переступать пресловутый «закон» и сотрудничать с коммерсантами новой волны. Короче, негибкий он был, намертво закостеневший в своих архаичных воровских постулатах.

Единственное, что раскачивало обстановку и порождало в уголовной среде нездоровые слухи, – это удивительное мастерство вора и его сотоварищей в искусстве владения ножом. Как правило, пьяные поножовщики наносят друг другу множественные удары, кромсая мало-чувствительную разгоряченную плоть, иссекая конечности и лица неглубокими бороздами и проливая при этом лужи крови. Хлопцы, прошедшие зоновскую школу, за редким исключением, невероятно живучи, убить их «пером» по пьянке дело непростое. Бывали случаи, когда мужичонка, с виду вроде бы худой и невзрачный, получив до трех десятков ударов ножом, плелся к себе «на хату», засыпал в пьяном виде и спустя ночь умирать не желал, несмотря на обильную кровопотерю...

Оба подручных вора – Нияз и Гасан – были убиты одним точным ударом в сердце. Два трупа, две колотые раны, и всего несколько капель крови – нож, обнаруженный в застывшей руке вора, имел длинное узкое – как у стилета – лезвие.

Самого же Муслима «угостили» в левый глаз, вогнав по самую рукоять охотничий нож с широким лезвием. И более – ни одного пореза.

Вырисовывалась довольно странная картина: как будто авторитеты дрались минут десять, круша все вокруг в неистовой ярости, затем вору вдруг прискучила сия развлекуха, он извлек свой «стиллет» и в мгновение ока заколол своих оппонентов двумя снайперскими ударами. Озарение, что ли, набежало внезапно? А кто-то из подручных, уже агонизируя, но все еще пребывавая в состоянии боевого транса, засадил в последнем усилии патрону в око свое фирменное «перо» с магазинным номером...

– Ловко, но... неожиданно, – сказал Чернов Марту, отпирая сейф в своем кабинете. – Ты ведь даже не предупредил, что нашел людей, которые возьмутся... За задатком не пришел. Сколько они хотят?

– Денег не надо, – покачал головой Март. – Я сказал, что это мой личный враг. Он опасен для меня, и его нужно немедленно устранить... В общем, они это сделали просто из уважения ко мне. Ваше имя, сами понимаете, я не называл.

– Очень приятно, – Чернов запер сейф и внимательно посмотрел на своего начальника охраны – словно в первый раз его увидел. – Ннн-да... Личный враг, говоришь? Ннн-да... Серьезные вы люди, Андрей Владимирович. Не хотел бы я стать твоим личным врагом... Кстати – обращай ко мне на «ты», хватит чиниться. И вот что – собирайся помаленьку, послезавтра ты уезжаешь.

– Далеко? – отвлеченно поинтересовался Март – в этот момент его занимали совсем другие мысли.

– Да нет, рядом тут, – Чернов весело подмигнул. – Три часа лету. Прокатишься во Францию, там для тебя зарезервировано местечко на курсах подготовки телохранителей.

– Я тебя плохо охраняю? – удивился Март. – Или моя методика тебе не приглянулась?

– Не в этом дело, Андрей, – успокоил собеседника Чернов. – У тебя великолепные задатки, чутье, прекрасные администраторские способности. Мы ко всему этому добру присокупим европейскую школу и будем делать деньги. Я просто нутром чую, что это крайне перспективный бизнес – помяни мое слово, в недалеком будущем на это будет огромный спрос.

– Что за бизнес? – Март доверительно подмигнул. – Воров мочить?

– Веселый ты парень, Андрюха! – Чернов усмехнулся одними губами – в бледно-голубых глазах застыли колющие льдинки. – Ты это... больше не поминай об этом. Договорились? А бизнес вполне даже приличный – физическая защита. Вернешься, сам все увидишь...

Спустя шесть месяцев, погожим майским утром Март вернулся в родную столицу, отягощенный европейским дипломом секьюрити и тремя здоровенными чемоданами. Не мог мачо укатить из Франции налегке, не обобрав нескольких модных ателье и обувных салонов. Встречавший в Шереметьеве Чернов усмешливо наблюдал, как носильщики, тужась, запикивают неподъемные чемоданы в багажники, затем обнял возвратившегося блудного начальника охраны и повез куда-то за город, не сказавши, зачем.

– И чего ты меня сюда притащил? – удивился Март, когда кортеж из трех черных «Вольво» (так и не залюбил бензиновый король отечественные модели!) подкатил к огороженному высоким забором комплексу строений, расположившемуся в уютном лесочке на берегу Москвы-реки. – Теперь здесь наша штаб-квартира?

– Это школа телохранителей, – не без гордости сообщил Чернов. – Пробита по всем инстанциям, все оформлено – комар носу не подточит. Можно набирать персонал и штамповать лицензированных специалистов. За хорошие деньги, разумеется... – Тут он озабоченно встрепенулся: – Да, кстати, – в твоём дипломе о праве на обучение что-нибудь сказано?

– Обязательно, – успокоил шефа Март. – На этот счет можешь не беспокоиться... Школа, говоришь? Как-то необычно звучит – школа. Не курсы, не колледж там или еще что... Школа, завуч, директор. Хм... И как эта ваша школа называется?

– Наша школа, – с нажимом произнес Чернов. – Наша. Название сам придумаешь – потому как директор здесь ты. Ты же и соучредитель. Персонал тоже ты наберешь, и учебную программу составишь по примеру европейской. И вообще – давай, занимайся. У меня других дел по горло...

...Марту потребовалось 12 минут, чтобы застрелить девять резиновых морд – включая ту, что была в холле на первом этаже. С десятой пришлось немного повозиться. Эта последняя мишень, судя по всему, находилась на втором этаже: хитрые ассистенты, отчаявшись выловить «телохрана», засели в холле и преспокойно покуривали, выжидая, когда Директор впадет в ярость и добровольно полезет на рожон. Директор потворствовать прихотям ассистентов не считал целесообразным: тихонько спустился и при помощи небольшого зеркала полюбовался с лестничной клетки – как сидят да куда смотрят.

Сидели так: двое в конце холла, по обеим сторонам коридора, а третий рядом с лестницей – ползучим ящером подкраившийся Март слышал его дыхание. Смотрели на 21-й номер,

первый по коридору слева, даже дверь в него открыли – видимо, чтобы не проспать, ежели Директор вдруг пожалует с улицы, через окно.

«Бездельники, – огорчился Март. – Никаких затей, трудятся по принципу „чем проще, тем лучше“. А вот я вас за это накажу!»

Выбравшись на улицу, раскрутил «кошку», ловко бросил, цепляя за подоконник, и влез по веревке в номер 22, расположенный по коридору напротив того, что находился под наблюдением.

– Привет, мужики, – буднично бросил Директор, вылетая в коридор и проскакивая в распахнутую дверь номера напротив. – Спасибо, что открыли, – работы меньше!

Ассистенты молодцы – лупанули навскидку, три пластиковые пули сочно шлепнули в дверь, которую «телохран» успел захлопнуть за собой.

Очень хорошо! Секунда – перезарядка, еще две секунды, чтобы доскочить до двери, – целая вечность! Ухватив за боковину стенной шкаф, Март, напрягая мышцы в неимоверном усилии, выдрал его из ячейки и торцом пришпандорил к двери. А повозитесь-ка, хлопчики! Сначала ассистенты, потом плотники.

Из прихожей шагнул в комнату, держа наготове пистолет.

– Плюх! – из-за кровати выскочила искомая морда, тревожно затикала таймером. Март победно улыбнулся, в мгновение ока прикончил морду и прыгнул к окну. Сзади в дверь тяжело забухали ассистенты, намекая, что пора убираться отсюда к чертовой матери.

– Ах вы, умельцы народные, мать вашу так! – Это Директор потянул за шнурок жалюзи и ругнулся от возмущения: доступ к раме преграждала ажурная решетка. – «Никиты» насмотрелись, значитца? А почему тогда не кирпичная кладка? Или лень было раствор месить?

Входная дверь с ужасным треском лопнула – шкафу осталось жить считанные секунды. Да, плотникам придется потрудиться, баталия сегодня вышла не на шутку сердитая.

– Директор, сдаваться будешь второму номеру – я впереди иду! – прокричал из коридора веселый голос. – Сегодня я курю «Гавану» – как раз в буфете две коробки осталось!

– Сегодня ты куришь писюн, – не согласился со столь вольной трактовкой ситуации Март. – Только не взятяжку, я прослежу... – Коротко разбежавшись, он мощно прыгнул ступнями на решетку, сосредоточивая на небольшой площади по контуру подошв колоссальную энергию всех 85 кило хорошо тренированного мяса.

Крак! Дзиньк! Шмяк! – восемь гвоздей-«соток», впившихся в сочную плоть оконной рамы, с жалобным скрежетом выскочили на свет божий, решетка вывалилась наружу, круша раму совместно со стеклами. Следом вывалился Март – ловко сгруппировался в полете, умудрившись оттолкнуться от решетки, и приземлился рядышком, на газон, засеянный для пущей мягкости «футбольной» травкой «Канада-грин».

Не останавливаясь, Директор несолидно, зайцем, метнулся к двухметровому забору и перемахнул через него в одно касание. Таким образом «телохран» благополучно выбыл из тренировочной зоны, своевременно выполнив все условия упражнения. Ассистенты остались с носом.

– Чего пялитесь, бездельники? – без особого торжества в голосе крикнул Март, зафиксировав в порушенном оконном проеме на втором этаже три физиономии, обескураженно рассматривающие свежие дыры от гвоздей и распростертую на газоне решетку. – Ну ни хрена себе, потрудились, называется! Будете так работать – с голоду помрете...

Глава 2

Трудно не согласиться с расхожим мнением, которое утверждает, что миром правит случай. Авань. Небось. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Бог не выдаст, свинья не съест. Раз на раз не приходится. И так далее – до бесконечности, на языке разных народов в различных интерпретациях. Это явление космического порядка – на Земле с ним вряд ли удастся разобраться. Суть его, несмотря на многочисленные смелые заявления всяких разных пророков от начала летосчисления до наших дней, недоступна пока никому из смертных, а подтверждением тому служат такие часто употребляемые в обиходе выражения, как «Его Величество Случай», «Волею случая», «Трагическая случайность» – она же роковая, счастливая и так далее. Случай – это божество. Капризное, непредсказуемое, ветреное и совершенно равнодушно к людским проблемам. Найдите самого крутого мужика в вашей деревне, который может ВСЕ, – как утверждает молва и он сам порой, поддавшись гибельному обаянию восторженного хора почитателей. Возьмите у него ежедневник и посмотрите, что там записано. Вы можете обнаружить там все что угодно, от «послать за пипифаксом» и «трижды отыметь секретаршу Лизаньку» (два за выходные) до «начать войну с Дубовомуужицком» – то бишь с соседней деревней. Но даже у самого сильного мира сего вы не прочтете в ежедневнике что-нибудь типа: «17.30 – сделать Беду; 18.00 – подготовить и провести Чудо...», либо что-нибудь в этом же роде. Потому что Чудо, равно как и Беда, – случаются. Именно случаются, а не делаются, производятся, организуются, осуществляются. Это нерукотворные явления, они вне компетенции человеческого поля приложения усилий, они не делаются по чьей-то злой или доброй воле. Если кто-то из сильных людей с большим самомнением, прочитав эти строки, тотчас задумает дать команду на подготовку Чуда либо Беды, спешу предупредить: ничего хорошего из этого не выйдет. Тайный водопровод, подведенный к заброшенной церквушке для будущего святого источника, который при большом стечении публики внезапно забьет фонтаном в день ваших именин, недолго будет оставаться Чудом как таковым. Обязательно найдутся люди, знакомые с водопроводчиками, которых вы нанимали, слух быстро просочится в народ – и все, привет вашему рукотворному Чуду. То же самое ожидает вас во всех остальных чудотворных потугах – не верите на слово, можете попробовать. А если вы большой оригинал и после долгих и безуспешных попыток соорудить случай пожелаете обмануть судьбу весьма нетривиальным способом, я вас очень прошу – не торопитесь. Потому что, когда вы сиганете башкой вниз с конька вашей трехэтажной виллы, никто не поверит, что это несчастный случай.

– Знаем мы такие случаи! – скептически скажут мудрые люди. – Сами такие... Не иначе, это чеченский след. Или рука Березовского. Мы этими несчастными случаями по горло сыты. До того случаи пошли странные – в протоколе пишут: «...на теле шестьдесят четыре огнестрельных ранения, отсутствует голова и половые органы. Смерть наступила от неумелого обращения с сильнодействующими транквилизаторами. Таким образом, факт гибели г-на Пцруера следует считать несчастным случаем...»

Но довольно о всяких посторонних случаях – примеров им несть числа. Давайте лучше забросим к черту околофилософские маразматические рассуждения и обратимся к нашему конкретному Его Величеству Случаю.

Представьте себе далекий 1955 год. Глухая сибирская тайга, двухпутная железная дорога, небольшой поселок при леспромхозе, две зоны – жилая и производственная, конвойный батальон, и окрест, в радиусе пятисот километров, – ни души.

Февраль месяц стоит на дворе, колкая поземка метет, не переставая, стужа лютая место имеет. Голодные вульфы по ночам садятся в кружок у казармы батальона и воют от дикой зависти: с кухни жареным мясом пахнет.

И вот в таком гиблом месте застревают сразу два поезда. Первый следовал из Новосибирска в Омск и вез гастролировавшую в полном составе труппу Театра оперы и балета. А второй был специальный: состоял он всего из четырех вагонов, в которых разместились путешествующий по бескрайним просторам Сибири с инспекцией молодой комсомольский начальник из самой Москвы с разнообразными прихлебателями, исполнителями и писарчуками.

Поезда одновременно въехали на станцию (квадратная будка с телеграфом, угольный склад, акведук и два семафора) и минут сорок заправлялись углем и водичкой. Пассажиры в это время приобретали за недорого пирожки, обжаренную в луке картошку и разнообразные соленья у тутошних шустрых бабусь, примчавшихся из поселка. А когда все были готовы отправляться, выяснилось вдруг, что ехать нельзя – ветер притащил с севера дикого необъятную вереницу мгlistых туч, и грянула снежная буря, за десять минут засыпавшая расчищенные накануне пути по колено снегом.

– Стоять! – распорядился комсомольский начальник, мудро глядя из окна своего уютного вагона на взбесившееся небо. – За час еще столько же накидает. Пусть телеграфируют в Омск, чтобы по окончании этого безобразия сюда срочно выслали бригаду снегоочистителей – мне завтра в обед нужно быть в Новосибирске.

– График – к... матери, – поделился наблюдениями с помощником машинист другого поезда, сидя в жарко натопленной кабине паровоза, так же мудро глядя на небо и употребляя соленые рыжики с картошкой. – Если еще пару часов будет вот так, засядем на неделю – раньше снегоочистители никак не пробьются...

Машинист оказался прав – поезда застряли на несколько дней, и пассажиры вынуждены были умирать со скуки, любуясь на серое небо, плюющееся снеговыми зарядами. В конце концов молодому комсомольскому начальнику это изрядно надоело, и он, пользуясь тем, что оказался здесь самым главным, велел директору театра организовать представление для местных жителей и пассажиров – в честь надвигающегося праздника.

– Какое представление, батенька? – удивился директор – лощеный интеллигент в возрасте, презрительно посматривавший на молодого выскочку через дореволюционное пенсне. – Где? Вот в этой будке? В нее как раз влезет контрабасист и две лилии от декораций «Лебединого озера». Вы думаете, что говорите? И потом – кто из аборигенов придет смотреть балет? Вы в своем уме, молодой человек?! Вы лучше организуйте раздачу бесплатной водки – я знаю, у вас в вагоне-ресторане этого добра в избытке. Чалдоны на всю жизнь запомнят этот акт доброй воли и по весне выложат ваше имя камнями на берегу реки. А через черточку напишут, что они о вас думают. Что-нибудь, типа, гомосек... мгом... нет, это слишком сложно для них, что-нибудь попроще напишут.

– Но-но! – грозно нахмурился комсомольский начальник. – Мне кажется, вы неправильно понимаете политику партии и игнорируете важность момента. Как бы мне не пришлось по приезду в Новосибирск принять меры, чтобы вами занялись из Министерства культуры...

Директор, очевидно, не хотел, чтобы ими занимались из вышеупомянутого министерства, – он скорчил страдальческую гримасу и всем своим видом показал, что согласен на все, что угодно, – кроме министерства. А в душе затаил лютую злобу и пожелал, чтобы поезд стоял тут подольше – тогда глупый молодой повеса обязательно выкинет какой-нибудь неприличный номер, его можно будет застукать на месте преступления – с поличным взять, и тогда уж поиздеваться над гаденышем вволю! Однако виду не показал – старая школа, – смотрел доброжелательно, как мясник на жирного поросеночка, приготовленного на убой.

– Ну вот и славно, – смиростивился комсомольский начальник, превратно истолковав доброжелательный взгляд директора. – Насчет декораций не беспокойтесь. Командир батальона дает вам взвод солдат, чтобы соответствующим образом оборудовать поселковый клуб – приступайте...

О всех перипетиях представления распространяться не стану – скажу лишь, что оно не удалось с самого начала. В клубе было стыло, народ по большей части пожелал оставаться дома, а те, кто явился, оказались вдрызг пьяными. Для массовости пригнали два отряда эжов под конвоем – остальные были заняты расчисткой снега, который грозил к утру завалить основное ограждение жилой зоны. В дополнение ко всем неприятностям приключилось еще вот что: комсомольский начальник – устроитель этого веселого мероприятия, рискнул сесть за стол совместно с батальонными офицерами в соседствующем с клубом доме – там проживал командир батальона, жена которого на зиму укатила с детьми в Омск к матери. Офицеры собрались не в преддверии светлого праздника 23 февраля, до которого оставалась еще целая неделя, а потому что аккурат в тот день у командира батальона были именины. Волею случая так вышло... К началу первого действия (ставили пресловутое «Лебединое озеро») веселье было в самом разгаре, офицерам стало так хорошо, что ни о каком балете никто и слышать не желал. Давили песняка, анекдоты травили политические – теперь можно, теперь не страшно, – вкусно хрустели капусткой и маринованными груздями в сметане, закопченного поросенка потребляли и с довольным видом косились на два ящика водки, которые про запас стояли прямо тут же, в зале. лейтенант Дятлов обещал, что через пять-семь тостов смотается на другой конец поселка и привезет на санях аж четверых егерских жен, у которых мужья по случаю непогоды застряли на дальних точках – он-де загодя разведку провел и все там в ажуре. Ну какой тут может быть балет? Правда, замполит – как самый культурный – робко заикнулся: ну их в задницу, этих егерских жен, после них потом приходится лобок брить и керосином промежность смазывать. А неплохо было бы для разнообразия пощупать балерин, которых в клубе будет целый вагон. Там уж наверняка керосин не понадобится – культура, мать вашу! Однако его тут же поправили компетентные товарищи: а не хрена там щупать, дорогой боевой товарищ. Ледащие эти балерины, кожа да кости – смотреть без слез нельзя. Так что сядь и стакан возьми, нечего вступать поперек мнения коллектива.

Между тем комсомольский начальник к тому моменту был мертвецки пьян – хлипкий кабинетный организм не смог состязаться в выносливости с лужеными желудками офицеров конвойной стражи. Подивившись непонятной для сибирского мужика слабости столичного гостя, офицеры уложили комсомольца в спальне на кровать, а сами вернулись к столу, чтобы до утра продолжать со всех сторон приятное времяпрепровождение.

Однако посидеть как следует доблестным воякам не дали. В середине первого акта сильно нетрезвый завклубом за каким-то бесом полез в гримерную, где был за что-то ударен неодетой балериной по морде и упал на пол ввиду крайней неустойчивости своего сиюминутного положения. Падая, завклубом опрокинул керосиновую лампу (буквально перед самым началом представления в гримерной совершенно случайно перегорела проводка, а починить не успели), занавески вспыхнули, и спустя несколько секунд в помещении полыхало пламя. Локализовать сие досадное происшествие было бы очень просто, если сразу принять надлежащие меры: содрать занавески и быстро истоптать их пуантами. Но таковые меры приняты не были – мужественная балерина, несмотря на острую неприязнь, потратила минуты три на то, чтобы вытащить из гримерной завклубом, который сильно ударился головой и оттого на время полностью утратил вменяемость. А когда вытащила, было уже поздно – огонь взялся за деревянные перегородки, выскочил в коридор и принялся лизать обитые шпоном стены. Расположившийся в оркестровой яме и созерцавший оттуда представление клубный плотник Панкрат, бывший также изрядно под градусом, первым учуял запах дыма – сквозняком протянуло через подвал – и выдвинулся на место происшествия. Не вникнув в ситуацию, плотник решил, что его начальник при смерти, и, грозно рыкнув на балерину, велел ей помочь транспортировать тело на выход. Балерина, пребывавшая в состоянии идеомоторной прострации от всего происходящего, перечить не посмела, и они вдвоем потащили завклубом на улицу. Таким образом, совершенно непреднамеренно, без злого умысла, огню дали время окрепнуть и разрастись до раз-

меров настоящего пожара; когда толпившиеся за кулисами участники представления увидели клубившиеся из-под коридорной двери струйки дыма, вся служебная половина клуба была уже охвачена пламенем. Какой-то умница подскочил к двери и распахнул ее настежь – а противоположная дверь была неплотно прикрыта плотником, который с балериной куда-то к чертовой матери уволок завклубом, – в результате чего в длинном коридоре мгновенно возникла великолепная тяга. Пламя обрадованно ухнуло, резво плеснуло на сцену, жарким дыханием опалив волосы всем, кто имел неосторожность находиться поблизости, и принялось жадно жрать пропыленные насквозь тяжеленные портьеры.

В зрительном зале началась паника – из присутствующих никто и не подумал попытаться противостоять стихийному бедствию, все ринулись прочь из горящего клуба и тем самым создали грандиозную давку, в которой немало людей получили серьезные травмы.

К чести праздновавших именины офицеров, следует отметить, что при поступлении тревожного сигнала они повели себя правильно и разумно – несмотря на изрядную к тому времени пьянственность.

– Г... Ихх! Горим, – внятно икнув, сообщил зоркий сокол – лейтенант Дятлов, сидевший у окна и имевший возможность наблюдать за улицей. – Видимо, с егершами придется обождать...

– Действительно – горим, – привстав из-за стола и глянув в окно, подтвердил командир батальона. – Не иначе – подожгли, сволочи! Так, товарищи офицеры, всем форма шинель и на выход. Прошу помочь мне организовать пожаротушение...

И действительно – организовали. Штатских отправили за лопатами, чтобы снег кидать, в близлежащих домах реквизировали все ведра, зэков выстроили в две колонны к имевшимся в наличии колодцам, а конвойными солдатами оцепили редкой цепочкой прилегавший к клубу район – чтобы зэки не удрали под шумок. Но блатная рать и не собиралась никуда удирать: пурга, холодина, на пятьсот километров вокруг ни одного села. Куда, к черту, бежать? Сгинешь в такую непогоду, и следов не найдут – волки сожрут вместе с костями и биркой. Напротив, все старательно работали, устраняя общую беду, а какой-то здоровенный активист из ссученных вообще полез проявлять благородную инициативу – облился водой и ломанулся в клуб: посмотреть, не остался ли кто там лежать, зашибленный в панике. И что вы думаете? Нашел. Оказывается, при тотальной ретиреде прима труппы хряпнулась с разбегу в оркестровую яму и, всеми кинутая на произвол судьбы, валялась там без сознания. Ссученный активист вынес приму на руках, победно кашляя дымом, предъявил командиру батальона и поинтересовался, что с нею делать. А командиру недосуг было заострить внимание на столь ничтожной по сравнению с масштабом бедствия детали: он хрипло орал на штатских огнеборцев, которые, в отличие от зэков, никак не могли разобраться с лопатами по расчету и бестолково суетились, мешая друг другу.

– Да ну ее в задницу! – Комбат потыкал пальцем в сторону своего дома, который ближе всех был расположен к клубу. – Ну, оттащи ее ко мне. И этим скажи – пусть туда дуют, а то обморозятся нагишом... Давай, проваливай!

Последнее замечание насчет «этих», которые нагишом, касалось труппы, подпрыгивающей на пуантах неподалеку от клуба и, по всей видимости, оркестра – хотя оркестранты были вовсе не нагишом. Но добросовестный ссученный активист этого последнего замечания не слышал – вокруг орали, пламя гудело, – он вприпрыжку помчался выполнять первое распоряжение, благо дом комбата находился на территории района оцепления и препятствий доброму рыцарю с биркой на груди никто не чинил.

Оказавшись в зале комбата жилого, ссученный активист аккуратно уложил приму на диван и хотел было тут же покинуть помещение, дабы влиться в ряды пожаротушенцев, но внимание его привлек накрытый стол... Представляете? Сибирь, зима, зона. Баланда и черные сухари. Кусочек ржавого прошлогоднего салыца – надолго запоминающееся событие. А тут...

Водки было – море, закуска же превосходила самые смелые эковские мечты. Искушение было столь велико, что активист не удержался и, залпом опрокинув стаканчик, принялся стремительно поедать насаженный на чью-то вилку добротный кус жареного поросенка. Ах, как здорово! Вот везуха-то! Закусил, мозги слегка затуманило... обратил внимание на приму. Балерина лежала на диване, мерно дыша и не подавая признаков активности. Прима была хороша собой и прекрасно сложена, а одежка ее вполне позволяла рассмотреть все подробности женской конституции. Ага! Так-так...

Активист вначале ужаснулся пришедшей в голову пакостной мыслишке – показалось, что это бред, вызванный запрещенной едой. Но при ближайшем рассмотрении этот «бред» таковым не оказался: в доме больше никого не было, в ближайший час сюда никто не заявится.

– А что я – не человек, что ли? – дрожащими губами пробормотал активист. – А почему не попробовать...

Метнулся к окну – все на улице были заняты пожаром. Вернувшись к дивану, эчара аккуратно стянул с примы трико и в процессе этого занятия до того возбудился вдруг – хоть стреляй его в этот момент, ничем не остановишь! Балерина не подавала признаков жизни, голова ее была повернута к спинке дивана, глаза прикрыты. Осторожно разведя тренированные бедра примы, активист с минуту любовался курчавым женским естеством и не мог поверить своему счастью. Восемь лет без бабы: только грязные «петухи» да размеренная мастурбация на рисованные зоновским художником картинки (в то время эротических журналов, если помните, в природе соцреализма не водилось, а любые пикантные фотографии безжалостно изымались бдительной администрацией). Восемь лет. И вдруг – на€ тебе, с неба упало...

Обмирая от волнения, активист закинул точеные лодыжки примы на свои плечи, медленно, по миллиметру, вторгся в безответную плоть молодой женщины и, поверив наконец, что это не сон, принялся яростно дергать тазом, дрожа при этом, как в лихорадке, животным рычанием и выкрикивая нечленораздельные проклятия...

Процесс завершился спустя двенадцать секунд – предсмертно вскрикнув, активист рухнул всей массой на приму, конвульсивно задрожал волосатым задом и затих: показалось ему, что умрет сейчас от блаженства неземного, обрушившегося на его эковский организм. Однако не умер, сволочь, – спустя минуту опомнился, сполз с дивана и на карачках пошлепал к столу. Метнул подряд еще два стакана водки, закусил хорошо, с непривычки моментально окосел и вернулся к дивану.

– Ну держись, красючка, – щас попрыгаем по-настоящему...

Совсем раздев приму, которая продолжала пребывать в бессознательном состоянии, активист вновь вторгся в безответную плоть и на этот раз терзал ее минут десять, с чувством, толком, расстановкой, вовсю наминая маленькие упругие груди, покрикивая от удовольствия и даже напевая что-то из блатного репертуара.

– Эх, хорошо в стране советской жить! – счастливо заключил активист, заканчивая резвиться и натягивая штаны. Пора было убираться восвояси – все, что можно было желать от жизни, он уже получил. Вот привалило, так привалило! Теперь два с небольшим года – до самого звонка – можно будет без картинок обходиться: глаза прикрыл, и вот она, балеринка на диване, дрожи сколько влезет! А кореша от зависти помрут. Слюной будут исходить всякий раз, как он станет расписывать все эти удовольствия... Тут, однако, в затуманенном алкоголем сознании всплыло справедливое опасение: а ведь не поверит никто! Начнешь рассказывать корешам, на смех подымут: ты че фуфлю толкаешь, баклан! Разве в такое можно поверить?

– А мы щас так замастырим... – хитро подмигнув своему троящемуся в серванте отражению, пробормотал активист и нетвердой походкой покинул гостеприимный дом.

Дошлепав до очереди к колодцу, пакостник шепнул что-то двоим экам, передававшим по цепочке ведра, те незаметно покинули строй, прихватили из соседней очереди еще троих, и все пятеро, растворившись в темноте, прошмыгнули в дом комбата.

Ой, что там было, в этом проклятом доме! Не буду описывать все эти гнусности – сами наверняка догадываетесь, чего там наворотили пятеро диких мужиков, дорвавшихся внезапно до водки и беззащитной женщины. Следует, однако, отметить, что эки не утратили окончательно чувства здоровой осторожности и ящик водки оставили – ежели все забрать, то офицеры сильно осерчают по прибытии, и могут быть весьма неприятные последствия. А истерзанную приму, так и не пришедшую в себя, поместили на кровать в спальню, туда же бросили ее разорванный сценический наряд. В процессе закладки примы на кровати был обнаружен тихо похрапывающий комсомолец, почему-то совсем одетый. Пьяные эки сообразили – быстро раздели бедолагу, положили в обнимку с балериной и, накрыв их одеялом, удалились, довольно хихикая от того, что все у них получилось как в сказке. Зэковской сказке...

Пробуждение комсомольского начальника было ужасным. Голова раскалывалась. Во рту – будто кошачий горшок неделю держали. Желудок просился наружу: одно неосторожное движение, и выйдет вон, прихватив заодно и весь кишечный тракт. За окном стыло серел выжженный рассвет, в лицо невыносимо несло ярким светом лампочки. В дверях толпились люди, с противоположной стороны кровати кто-то в белом пихал нашатырь совершенно нагой женщине, которая, будучи вся в синяках и засосах, тихо стонала, прижимая руки к низу живота.

– Что ты с ней сделал, ГАД?! – истошно орал невесть откуда взявшийся директор театра, грозно сверкая пенсне. – Что!!! Ты!!! С ней!!! Сделал!!!

– Я это... я решительно ничего... – мучительно проблеял комсомольский начальник, стараясь поглубже влезть под одеяло. – Я тут это... Того... Спал я...

– СПАЛ!!! – прорыдал директор, тыча пальцем в сторону несчастной примы. – Ты посмотри на нее! Извращенец!!! Да тебя не только с комсомола – под суд, ГАД! Под расстрел, ГАД! О-о-о... ГАД!!!

– Ну ты – полегче, – пьяно качнувшись из зала в спальню, заявил комбат. – Может, у них того... икх!.. любовь, в смысле. Может, они того... икх!.. поженятся, в смысле... Семья будет – ячейка общества...

– Да какая, к свиньям, любовь!!! – дико вытаращился на комбата-мироотворца директор. – Какая, к свиньям, ячейка?! Ты посмотри на нее! Синяки! Засосы! Это любовь?!

– Может, того... икх! – Комбат глубокомысленно поднял указательный палец и очертил в воздухе рваную окружность. – Может, страсть... Икх!.. – в смысле – дикая. Нечеловечья. Неземная. Икх! Он же неженатый! Почему же не... икх!.. почему же нельзя?

– Страсть? – обескураженно прошамкал директор, сразу скиая. – Поженятся? Что-то мне с трудом...

– Любовь у нас, любовь... – плаксиво пробубнил комсомольский начальник, которому в этот момент хотелось как можно быстрее оказаться в уборной. – И обязательно поженемся... будет прекрасная комсомольская свадьба... безалкогольная. А теперь – подите все прочь, я вас умоляю...

А далее все происходило по давно набившей оскомину схеме. Спустя некоторое время прима, как и полагается, начала прилежно прибавлять в животе. Под давлением мстительного директора молодой комсомольский начальник вынужден был жениться на балерине – не хотел парень под суд. Впрочем, он особенно не переживал из-за случившегося: прима была хороша собой, характер имела средней степени стервозности и начальнику со всех сторон понравилась. Единственно, после падения в оркестровую яму и трагических приключений в доме командира батальона дамочку стали изредка посещать легкие припадочки раздвоения личности. До родов ей трижды чудилось наяву: то она была Мессалиной, то Клеопатрой, то почему-то (совсем из другого колхоза) – Прасковьей Брюс, наперсницей великой Като. Врачи, однако, утверждали, что это временное явление и беспокоиться не стоит – вскоре все само собой пройдет. А комсомольский начальник и не беспокоился – его гораздо больше волновало другое. Как всякий образованный человек, он хорошо знал, что сооружать ребенков в пьяном виде не рекомен-

дуются – печальная практика показывает, что от этого могут получиться такие уроды, от которых общество потом в ужасе шарахается и плачет горькими слезами. Опасения комсомольца были вполне обоснованными: он прекрасно отдавал себе отчет, что в момент впрыска семенной жидкости был до того нетрезв, что совершенно не помнил ни сам впрыск, ни где, собственно, он вообще с этой раскрепасной примой познакомился. Что хорошего можно было ожидать от такого непродуманного акта?

Но вот минуло ровно семь с половиной месяцев после памятного возгорания поселкового клуба, и бывшая балерина благополучно разрешилась от бремени мальчиком.

– Недоношенный... Не урод ли? – первым делом поинтересовался комсомольский начальник, прибыв в роддом. – Дураком не будет?

– Красавец, – успокоила его завотделением, почтительно провожая по коридору и на ходу пристраивая гостю на чело марлевую повязку – хоть комсомольское, а все же начальство. – Вес – три восемьсот, рост – пятьдесят один сантиметр. Норма.

– Ну и что – норма, – пробубнил из-под повязки начальник. – Знаете ведь, как бывает – растет себе, растет, как все, а как заговорит, тут сразу всем понятно – У⁵ О! И сразу в интернат его...

– Господи, какие глупости вы говорите! – возмутилась завотделением. – Которые УО – сразу есть признаки. А этот по всем статьям хорош. Вылитая ваша копия! Да вот – сами полюбуйте... – В этот момент они вошли в палату, где лежали полтора десятка спеленатых младенцев. Врачиха, соотнесясь по бирке, ловко выдернула из кучи новорожденных пеленчатый сверток и всучила его комсомольцу.

– Как две капли! – льстиво повторила заведующая, с умилением наблюдая за трогательной сценой.

Комсомольский начальник чуть не прослезился от радости. Заведующая, конечно же, по доброму врал: младенец как две капли был похож на всех остальных новорожденных, находившихся в этот момент в палате, и пока никакими признаками, кроме цвета кожи, не подтверждал свою идентичность с папанькой. Но то, что он имел нормальную статью и родился без видимых физических отклонений, наполнило душу аппаратчика невероятным облегчением.

– Будет Серегой, – взволнованно пробормотал комсомолец, вручая сверток заведующей. – В честь деда. В наш корень удался! Этот задаст жару девкам...

Вот так и появился на свет маленький Серж – Сергей Павлович Лиховский, рожденный по злой воле прихотливого случая, управлявшего чувствами мерзких пакостников, которые ради удовлетворения своей сиюминутной похоти не пощадили беззащитную молодую женщину. В последующем мы с вами убедимся, что Его Величество Случай, которому Лиховский и обязан своим появлением на свет, довольно часто взбрыкивал в судьбе этого человечка. А пока давайте немного понаблюдаем, как креп и мужал наш случайный парень – в этой истории он играет далеко не последнюю роль...

Серж рос, как и полагается всем нормальным детям. Вопреки опасениям папеньки, УО он не стал: титку употреблял правильно, прудил не более, чем положено, заговорил вовремя – причем, как это зачастую принято в комсомольских семьях, сначала заорал «ДАЙ!!!», а уже потом, спустя неделю, милостиво согласился поименовать маму. Папу, как ни старались домоладцы, дитяtko упрямо не желало эксклюзивно вычленять из окружающей среды. До известного момента всех особей мужеска пола – в том числе и отца – Серж фамильярно обзывал странным термином: Ыгун. Бывалоча, папанька к манежу подойдет, Серж радостно пустит слюни и как заорет: «Ыгун»!!!

⁵ УО – умственно отсталый (устар. аббр.).

– Японскому учите? – как-то поинтересовался пьяненький папин начальник, забредший по какому-то недоразумению к подчиненному после очередного фуршета. – Однако! Не рановато ли? Ходить толком еще не умеет...

– Ыгун! – задорно крикнул Серж, обращаясь к папиному начальнику и протягивая к нему руки.

– Но-но... – опасливо отстранился начальник – пьяный, сволочь, а разумеет, что почем! – Я тут ни при чем – ты это брось... вот он, твой Ыгун.

– Да он так всех мужиков навеличивает, мерзавец, – расстроено пояснил отец Сержа. – Японский тут ни при чем. Такого понятия, как «папа», для него пока не существует. Мы для него все на одно лицо. Ыгун – и все тут. Откуда что берется?...

Недоразумение вскоре прояснилось. Глуховатая маман бывшей балерины – Марья Петровна, бессменно пребывавшая при молодой семье в качестве няньки, постоянно торчала в зале у окна и наблюдала за улицей – скучно ей было. Увидит, как зять возвращается с работы, и орет на всю квартиру: «А вот и наш попрыгун скачет! Опять нажрался, гадина...»

Так же нелестно она отзывалась о друзьях зятя – все они были для нее попрыгунами. И знаете, не без оснований. Специфика работы диктовала свои условия: комсомольский начальник вынужден был частенько участвовать в различных «активах» и конференциях, неизбежно завершавшихся фуршетами, и, как следствие, прибывал домой изрядно навеселе. Друзья и приятели, которых он приводил в гости, также не отличались особой трезвостью: как и хозяин квартиры, они перемещались шаловливой прыгающей походкой, вполне оправдывающей суровое отношение старой антисоветчицы (бабка происходила из знатного дворянского рода и непонятно каким образом выжила в кровавой карусели послереволюционных реформ).

Когда Сержу исполнилось шесть лет, родители его переехали в Ленинград. Пасмурная северная столица, каждый камень которой был насквозь пропитан мрачным духом российской истории, оказала мощное влияние на формирующийся характер нашего героя. Мальчишка рос тихим и замкнутым, сторонился шумных ребячьих компаний и предпочитал большую часть времени проводить в одиночестве. Родители были страшно заняты: папахен неутомимо шаркался по служебной лестнице, которая оказалась крутой и скользкой – вроде бы поднялся на верхнюю ступень, сделал пару неловких движений и опять скатился. Кроме того, сын не спешил радовать папашу ярким проявлением наследственных черт, свидетельствующих о его (сына) принадлежности к славному роду Лиховских, – с течением времени он также не стал походить на мать, и вообще непонятно было, в кого же молодец удался.

– Он – вылитый дед, – оправдываясь, заявляла бывшая прима. Однако фотографии деда в семейном архиве отсутствовали – в свое время бабка их зачем-то уничтожила, так что документально подтвердить сходство было невозможно. Затаив в душе смутные подозрения, комсомольский начальник к сыну охладел и как бы перестал его замечать вообще.

Мать, стараниями вельможного мужа, быстро обретшего хорошие связи и нужных приятелей (все сплошь – попрыгуны), получила в городском комитете культуры престижную должность, которая требовала полной отдачи и совсем не оставляла времени на воспитание сына.

Воспитанием занималась бабка. Привить внуку полное неприятие советской системы старая монархистка целью не ставила: это было для нее слишком глобально, поскольку о таком понятии, как «дошкольная педагогика», она никогда не слышала. Тем не менее уже к шести годам маленький Серж прекрасно знал, что в родной стране все плохо: у власти стоят «тупоголовые дегенераты», которые не в состоянии управлять «армией алкоголиков и тунеядцев», все, что было хорошего, разграбили и продали немцам, а все более-менее приличные люди с мозгами, коих не успели перестрелять, выехали за рубеж. За рубежом, дескать, благодать божья, там всем хорошо и при первой же подвернувшейся возможности нужно туда сматываться. Как видите, здоровым патриотизмом тут даже отдаленно не пахло – вот этот последний постулат насчет того, что за рубежом все лучше и при первой возможности нужно туда

смаываться, прочно засел в неокрепшей головке и с течением времени не прошел. Наряду с латентной неприязнью к советской системе бабушка-монархистка привила внуку маниакальное пристрастие к истории. Особенно это касалось истории России, причем – дореволюционной. Ребенок должен проникнуться духом былого могущества Великой России, впитать каждой клеточкой своего развивающегося организма неуывающий дух великих побед и вообще ясно понимать, как хорошо было до революции. Все, что случилось после октябрьского переворота, престарелая статс-дама считала трагическим недоразумением и заявляла, что этот период изучения недостойн – дескать, скоро он благополучно завершится и все образуется. Будем жить как прежде.

Серж проникся и впитал. Читать он начал с четырех лет, быстро пристрастился к этому полезному занятию и к моменту поступления в среднюю школу уже имел свое собственное мнение по поводу процессов, происходящих в окружающем его мире.

– Вундеркинд! – восхищалась завуч – по совместительству преподаватель истории.

– УО, – кратко резюмировал классный руководитель – физик, он же математик. – Дурная наследственность, не иначе.

Школу Серж посещал неохотно: краеугольным камнем отечественной педагогической системы являлась активная целенаправленная пропаганда советского образа жизни и вообще всего советского. Дореволюционная история, скрупулезно отретушированная советскими учеными, воспевала добродетели мужика и крестьянина и всячески поносила «гнилую монархическую систему с ее осатаневшими прихлебателями». Это показалось Сержу странным, поскольку расходилось с мнением многоуважаемой бабушки-воспитательницы, и потому он с ходу отверг предлагаемую для общего пользования методологию среднего образования. Кроме того, изучение таких дрянных ненужных предметов, как химия, физика, математика и так далее, отнимало драгоценное время, которое можно было потратить с гораздо большей пользой – например, для чтения хороших книг. В доме Лиховских имелаь прекрасная историческая подборка, собранная стараниями бабушки, которая не только умудрилась сохранить доставшиеся ей по наследству фамильные манускрипты, но и приобрела у работного люда за бесценок массу замечательных книг из разграбленных в смутные послереволюционные годы дворянских библиотек. Серж запоем проглатывал все, что подсовывала ему бабушка. Примерно треть произведений, имевшихся в библиотеке Лиховских, принадлежала перу зарубежных авторов. Сержа, однако, это нисколько не смущало: бабушка сносно владела французским, относительно неплохо знала немецкий, поскольку по матери была немкой, и в объеме программы Смольного института знала латынь. От нечего делать она охотно делилась своими познаниями с вундеркиндивым внуком, и к десяти годам он легко читал книги, написанные на вышеупомянутых трех языках.

В школе Серж был изгоем. Рабоче-крестьянских детей, которые были дурно воспитаны и плохо пахли, он считал недоумками и не старался скрыть своего к ним отношения. Как следствие, эти самые рабоче-крестьянские дети платили заносчивому номенклатурному ребенку открытой неприязнью, травили его и частенько бивали под горячую руку. В школу он приносил любимые книги и втихаря читал их на уроках, пряча под партой, вследствие чего хронически не успевал по ряду предметов, требующих усидчивости и внимания. В конце концов преподавателям это надоело, и они попытались вызвать в школу вундеркиндова отца. Однако к тому времени папаша-попрыгун уже занимал весьма солидный пост, посещать школу ему было как-то недосуг, и в результате классная руководительница вынуждена была записаться к нему на прием.

– Мальчик должен прекратить читать на уроках, – решительно заявила классная. – Мальчику необходима общественная нагрузка, чтобы он сблизился с коллективом.

Папашка экстренно отдал Сержа на бокс. Там вундеркинду моментально набили рожу, и он наотрез отказался ходить в такое нехорошее место. Примерно то же самое получилось с

волейболом и баскетболом – только там рожу бить не стали, а заявили тренеру: «С этим козлом играть не будем. Он нас за людей не считает. А если будете заставлять, мы ему такое устроим – сам убежит!»

Бывшая прима посоветовала оставить парня в покое, но папашка воспротивился – даешь общественную нагрузку и все тут. В конце концов остановились на драмкружке при Доме пионеров: там никто морду не бил, ребята в основном были интеллигентные, и Сержу неожиданно этот вид нагрузки понравился. Он великолепно играл порученные роли и настолько преуспел в театральном искусстве, что инспектировавший Дом пионеров маститый искусствовед был поражен до глубины души.

– Вам нужно обязательно поступать в театральное училище, мальчик мой, – растроганно пробормотал он, поприсутствовав на репетиции. – В вас дремлет великий талант перевоплощения – к этому нужно относиться соответствующим образом! Нельзя разбрасываться тем, что дарит нам мать-природа...

А Серж и не думал разбрасываться – он давно понял свое призвание и не собирался ему изменять. Идя навстречу пожеланиям отца, мальчик перестал таскать в школу книги – теперь он читал ночами, а на уроках спал. В большой квартире Лиховских вундеркинду была отведена просторная комната. После того как все домочадцы укладывались спать, Серж запаливал свечи в двух старинных канделябрах, презентованных бабушкой, и погружался в увлекательный мир истории. Перед мысленным взором юного книголюбца вставали панорамы великих битв и хитроумных интриг, он полностью выпадал из пресловутой советской действительности и плыл по хронологическим волнам, запросто сопоставляя себя с известнейшими персоналиями разных времен, беседуя и споря с ними о целесообразности того или иного исторического деяния, как просто повлиявшего на судьбу отдельно взятого народа, так и существенно менявшего мироустройство в целом.

По окончании школы Серж заполучил четверочный аттестат: преподаватели не посмели обидеть вундеркинда, папашка которого к тому времени залез еще выше по партийной лестнице и теперь запросто открывал ногами двери любых большущих кабинетов. Встал вопрос: кем быть? Папаша настаивал, чтобы сын избрал карьеру дипломата или военного – остро хотелось видеть отпрыска в высшем эшелоне управления. Все предпосылки к тому наличествовали: Серж был далеко не дурак, несмотря на свои исторические вывихи, а здоровый протекционизм во все времена считался вполне нормальным явлением.

– Пока я в силе, я тебя везде засуну! – упорствовал номенклатурщик. – Пользуйся! И прекрати дурить – ты своей историей на хлеб себе не заработаешь!

– Ничего, прокормите – вы у меня не бедные, – не согласился упрямый отпрыск и втихую поперся поступать на истфак Ленинградского государственного университета. Тамошние ученые хлопцы послушали вундербеби и всем гамузом шмякнулись в обморок от выказанных им знаний. Крутили парня три дня и так и этак, пытались выяснить причину такой нездоровой эрудированности, а напоследок, когда Серж процитировал по-латыни какой-то затерханный документишко времен Пунических войн, председатель комиссии – старый умненький профессор – печально вздохнул и развел руками: «Вы, батенька, не по адресу зашли. Увы – но мы вас научить ничему не можем, вы и так все знаете».

«Мне диплом нужен, – скромно сообщил Серж. – Я хочу в архив попасть...»

В порядке частного случая Сержа зачислили сразу на третий курс, и он принялся прилежно посещать занятия. На лекциях спал – он действительно знал все, что давали в объеме университетской программы. Ночами читал книги и жил себе в свое удовольствие: хитроумный папашка купил для отпрыска двухкомнатную квартиру, желая, чтобы он сполна вкусил самостоятельной жизни и привыкал к независимости.

– Денег не давать, жратвы – тоже, – распорядился партийный босс. – Пусть покрутится, зарабатывая себе на хлеб, поработает вечерами – тогда у него отпадет охота ночами читать.

И не смей его обстирывать! Пусть сам! – Последнее было сказано повышенным тоном – специально для глуховатой Марьи Петровны, которая тут же согласно закивала.

Распоряжение папахена было с первого же момента гнусно извращено домочадцами: бывшая прима систематически снабжала любимого сыночка деньгами на карманные расходы, а бабушка-антисоветчица регулярно перла на квартиру внука необъятные авоськи с провиантом, готовила всякие вкусности, раз в неделю наводила у него генеральную уборку и обстирывала. Серж как сыр в масле катался – такая жизнь ему нравилась, и менять в ней он ничего не собирался, полагая, что так будет продолжаться целую вечность.

По окончании университета киндерсюрприз без особого труда добился, чего хотел, – получил совсем недоходную должность в одном из архивов Ленинграда. Вот тут он развернулся на славу! Первые полгода вообще не вылезал из архива: оброс кудлатой бородашкой, отпустил хиппоподобные патлы, покрылся коростой от грязи и посадил зрение – пришлось обзаводиться очками. Дома появлялся крайне редко – некогда было, столько всего нужно прочитать! Бабушка таскала ему готовые обеды, пыталась мыть из бутылки горячей водой и заставляла менять белье.

На работе Серж накоротке сошелся с такой же архивной барышней тридцати лет от роду. Была она очкаста, фигурой неказиста, ликом страшна и даже вонюча – тоже некогда было за собой следить. Но умна, блин, да начитанна – застрелись! Серж эту дамочку за интеллект шибко возлюбил и познал с нею радость первого плотского восторга, после чего они регулярно развлекались по ночам и в обеденные перерывы прямо в читальном зале либо в хранилище: немытые тела страстно сопрягались на книжных стопках, покрытых исторической пылью, сквозь давно не чищенные зубы прорывались восторженные вопли опять же с историческим подтекстом: «О, мой Цезарь!!! А-о-о, мой Антоний! Мой меч богов, золоторогий Искандер!!!»

А в ответ: «О, моя Клеопатра, властительница душ! Моя Клио, вместилище вековой мудрости!!!»

Вот таким образом и жил наш славный парень – хорошо ему было. Незаметно пролетали дни, размеренно текли годы, в маленьком мирке Сержа царили уют и покой, страшенькая архивная подружка рожать была не приспособлена, что вполне устраивало их обоих. «Крутиться», как советовал папанька, архивариус не желал, вполне обоснованно считая, что не стоит при таких обеспеченных родителях тратить время на добывание теплого места под солнцем. Прокормят!

Однажды Серж заметил, что из специального фонда архива пропадают старинные документы и отдельные листы различных рукописей. В основном это были бумаги, подписанные лицами царствующих домов и их вельможными родственниками, либо исполненные лично монархами пометки, записки и письма. Поначалу архивариус чуть рассудка не лишился при виде такого кощунства. Затем остыл, пришел в себя и принялся скрупулезно вычислять, кто же этим занимается. И вычислил. Хищения были хорошо спланированы и осуществлялись организованной группой, в которую входил также один из руководителей архива, о чем свидетельствовали последние инвентаризационные описи – в них числились давно украденные документы, не заметить отсутствие которых было просто невозможно.

Первым порывом Сержа, как полагается, было желание немедленно сдать всю эту триздобратию в компетентные органы. Но, немного поостыв и поразмыслив, архивариус решил поступить несколько иначе. Судя по размаху деятельности ворюг и полному отсутствию с их стороны каких-либо мер предосторожности, они должны были вот-вот либо попасться сами, либо умотать куда-нибудь подальше, где их не сможет достать карающая десница правосудия.

Составив реестр отсутствующих документов, Серж пришел к выводу, что воры поверхностно знакомы с содержанием хранилища – они брали только то, что лежало рядом, так сказать, на поверхности, и не стремились лезть в глубь неисчерпаемого бумажного моря. А наш

парень, перелопативший за годы работы каждый листик в своем архиве, был прекрасно осведомлен, какую историческую ценность представляют собой некоторые документы, до которых не дотянулись грязные руки хапуг. Еще не вполне отдавая себе отчет, каким образом это может ему пригодиться, Серж в течение недели отобрал наиболее ценные, с его точки зрения, бумаги и таким образом насобирал дома целую папку документов. Папку он припрятал на чердаке своего дома, после чего с легким сердцем потопал в УВД и заявил об обнаруженной им недостатке.

Операцию по поимке ворул разрабатывали непросто и долго и коряво: в момент ее завершения все злоумышленники благополучно удрали за рубеж, оставив родную милицию с носом. Бдительному сотруднику выдали денежную премию и повысили его в должности, после чего он продолжал функционировать в обычном режиме: все свободное время читал, а в перерывах ел и совокуплялся со своей кривомордой подружкой, которая так и не научилась мыться и оттого пахла по-прежнему. Перестройка его не коснулась – из окон архива не было видно коммерческих палаток, «быков» с золотыми цепями и новонавороченных предпринимателей с большими пачками долларов.

Но вот грянул суровый 1993 год. После ряда мероприятий, предпринятых местными правоохранительными органами против когорты влиятельных партийных руководителей, Сержного папахена упекли в Кресты, откуда он скоропостижно отбыл на пятнадцать лет в Нижний Тагил – за хищения госсобственности в особо крупных размерах. Имущество конфисковали, и благополучная семья номенклатурщика с удивлением обнаружила, что она оказалась на улице. По счастью, квартира Сержа была оформлена на имя матери, поэтому осталась вне поля деятельности судебных исполнителей. Бабушка с матерью переехали к архивариусу, и семья начала жить в непривычном для нее режиме полуголодного существования. От страшного огорчения по поводу утраты супруга (точнее, обеспечиваемого им благополучного положения) бывшая прима как-то незаметно впала в состояние устойчивого нервного расстройства и стала негодна для той престижной работы, на которую ее в свое время пристроил муж-попрыгун. Предпосылки для восстановления прежних позиций отсутствовали напрочь, жизнь становилась все хуже, и нервное расстройство довольно быстро перешло в закономерное тихое помешательство – теперь экс-приму вообще нельзя было никуда выпускать, и она безвылазно сидела дома, под присмотром бабки-антисоветчицы. Серж неожиданно заметил, что оказался единственным кормильцем, и немало удивился этому факту – в его жизни всегда было все как раз наоборот!

– Это что ж – я вас теперь до самой смерти содержать должен? – опечалился архивариус – его мизерной зарплаты не хватало даже для того, чтобы прокормить самого себя. – Нет, так не пойдет – надо что-то придумать...

У страшненькой подружки Сержа имелась заначка на черный день: в результате строжайшей экономии она скопила за годы работы две тысячи долларов. Путем длительных переговоров, проходивших под эгидой нешуточной угрозы полного разрыва отношений, нашему парню удалось уболтать архивную диву, и она скрепя сердце отдала ему эти деньги.

Серж в первом попавшемся турагентстве приобрел пятидневный мини-тур по Европе, выправил документы и наведлся на чердак, где до поры пылилась надежно припрятанная заветная папка, упакованная в целлофан. Покопавшись в бумагах, архивариус извлек три документа, определенным образом связанные с маршрутом предстоящего тура, папку снова упрятал и пошел домой собирать вещи.

– Куда собрался? – празднично поинтересовалась престарелая антисоветчица, наблюдая за сборами внука.

– За границу! – лаконично выкрикнул Серж – бабушкина глухота с возрастом росла в геометрической прогрессии.

– Все нормальные люди рано или поздно бегут за границу, – с видом безропотной покорности судьбе констатировала Марья Петровна. – Нас, значит, бросаешь... Ну, ничего – мы как-

нибудь перебьемся. Мать твою отдам в психдом, сама помру потом – надоело мне тут... Лишь бы ты там нормально устроился. Языки знаешь, не дурак, у тебя все должно получиться...

– Я скоро вернусь! – гаркнул Серж в бабкино сморщенное ухо. – Немного денег вам привезу! Так дальше жить нельзя!

– Оттуда никто не возвращается, – покачала головой Марья Петровна. – Там хорошо. А деньги просто так тебе никто не даст – дураков нет.

– Посмотрим, – загадочно пробормотал Серж, взял чемодан и, поцеловав на прощание бабу, покинул квартиру – его группа отправлялась вечерним рейсом.

Оказавшись в Австрии, Серж отстал от группы, нанял таксиста и прокатился по одной из исторических областей этой сказочной страны. Путеводителя у него не было, но он в нем и не нуждался, поскольку прекрасно ориентировался на местности, помня еще с детства названия каждой деревушки и поместья, вычитанные в бабкиных книгах.

Первый намеченный для посещения замок вполне оправдал надежды архивариуса: здесь все дышало стариной, нынешний владелец – прямой потомок знатной династии, некогда правившей этими землями и водившей родство с несколькими монаршими дворами Европы, не счел нужным ничего переделывать на современный лад, а лишь отреставрировал доставшиеся ему по наследству владения.

– Какая прелесть, – слегка взгрустнул Серж, озирая исполинских размеров зеленую лужайку перед вековыми стенами из тесаного камня, окаймленную стриженными по линейке шпалерами декоративного кустарника. – Я бы продал душу дьяволу, чтобы владеть всем этим...

Хозяин замка принял Сержа в огромной библиотеке, по совместительству служившей и кабинетом. С заметным душевным трепетом обозрев величаво взиравшие на него корешки старинных фолиантов, Серж приступил к изложению предмета своего посещения. Разговор вели на немецком – посетитель прекрасно понимал владельца замка, а вот владелец пришел в немалое смущение, вслушиваясь в речь неожиданного визитера.

– Вы немец? – поинтересовался он. – Из какой провинции приходите?

– Немец? – хмыкнул Серж, припомнив неоднократно читанный булгаковский шедевр. – Хм... Да, пожалуй, немец. Отчасти. Отчасти поляк, отчасти русский. Космополит, в общем. На диалект внимания не обращайте – я изучал языки по старым книгам под присмотром бабушки-дворянки, а посему речь моя изобилует давно вышедшими из употребления анахронизмами. Но вы меня понимаете?

– Понимаю, – кивнул владелец замка. – Мне приятно слушать вашу речь – давно не встречался с людьми, употребляющими столь изысканные выражения.

– В таком случае, взгляните на этот документ, – Серж извлек из потайного кармана жесткий конверт и вручил отпрыску древней династии пожелтевший от времени листок.

По прочтении документа лицо отпрыска пошло красными пятнами, лоб вспотел, а руки предательски задрожали.

– Это... Это не более чем искусная подделка, не правда ли? – нервно улыбаясь, предположил он. – Упоминание об этом документе имеется в эпистолярном реестре музея нашего рода, но... но сам он давно и безнадежно утрачен. Вы никак не могли... Где вы взяли ЭТО?!

– Я спер его из большевистского архива, – не стал врать Серж. – Он подлинный – я вам это гарантирую своим честным словом. Если есть желание, отправьте на экспертизу. Я дам вам свои координаты, телефон, и вы прямо сейчас можете справиться обо мне по месту работы – дабы не подумали, что явился тут к вам мошенник и пытается всучить какую-то дрянь. Телефон, надеюсь, у вас имеется? Подумайте, я не спешу.

Тут следует оговориться: пояснить, отчего отпрыск пошел пятнами, а наш парень вел себя так уверенно. Документик являлся не чем иным, как откровенной запиской одного умирающего принца, в которой говорилось, что какой-то сынишка его рожден не богом даденной

супругой, а прижит от некоей польской маркитантки. И, таким образом, вся ветвь, отпочковавшаяся от знатного рода через этого сынулю, является незаконнорожденной – в том числе и отпрыск, ныне владеющий замком. Понятно теперь, отчего пятна и нервическая дрожь?

– Да нет, экспертиза, как мне кажется, тут ни к чему, – после продолжительной паузы решил отпрыск. – Знаете, я вам почему-то верю... Сколько вы хотите за этот документ?

Серж задумался. Он никогда не продавал ворованные документы и понятия не имел, сколько они стоят.

«Как минимум пять тысяч баксов, – подумал он. – Две – Офелии вернуть (так звали его страшенькую подружку), и три – себе. Если удастся оставшиеся две бумажки пристроить за такую же сумму, можно потом целый год кататься как сыр в масле. А вообще, лучше пусть сам скажет – может, больше даст...»

– Я хотел бы выслушать ваше предложение, – дипломатично заявил Серж. – Документ, сами понимаете, имеет немалую историческую ценность. Особенно для вас. И я хотел бы получить сумму в долларах. Мне так удобнее...

– Видите ли, в настоящий момент я испытываю некоторое стеснение в средствах, – замялся отпрыск. – И потому не могу выплатить вам подлинную стоимость этого документа...

«Сволочь, – расстроился Серж. – Зря старался. Ну, пусть будет хоть три тысячи. Как-то еще остальные удастся продать – если вообще удастся...»

– В долларах, значит... – Отпрыск ловким движением извлек из нагрудного кармана калькулятор, потыкал кнопки. – Так-так... Если вас устроят сто тысяч долларов, я буду рад приобрести у вас этот документ. Понимаете, в другое время я бы, разумеется, дал вам больше, но сейчас – увы...

Серж чуть не поперхнулся. Черт! Неужели эта бумажка может столько стоить?!

– Хорошо, я согласен, – после некоторой паузы сообщил он. – Мне нужны наличные. У вас есть наличные?

– Проедемте в банк, – отпрыск вскочил со стула, смахнул со стола бумажку и упрятал ее в массивный сейф. – Помилуйте, молодой человек, – ну кто держит такую сумму в наличных? Проедемте – тут недалеко. И еще одно условие... Вы никогда и никому не должны говорить, что такой документ существует. Понимаете? Никому. Договорились?

– Договорились, – согласно кивнул Серж, а про себя отметил: эти ребята так носятся со своей генеалогией и чистотой рода, что готовы выложить огромные деньги за какой-то дрянной пожелтевший листок, в общем-то, особой исторической ценности не имеющий. Надо будет взять это на заметку...

Оставшиеся два документа архивариус «пристроил» в тот же день, выручив за них в общей сумме 25 тысяч долларов. Это были безобидные экстракции из переписки неких особ, принадлежащих к венценосным фамилиям Европы, никакого компромата в себе не содержали и ценны были лишь тем, что являлись приятным напоминанием потомкам о давнем величии захиревших родов.

«А компромат, оказывается, весьма дорогая штукавина, – сделал вывод Серж, укладывая деньги в чемодан под слой белья – навык перевозки крупных сумм через границу у него отсутствовал напрочь. – Даже через века угроза огласки тех или иных данных компрометирующего свойства прекрасно сохраняется во всей своей первозданной свежести – как будто только вчера возникла. А вот неплохо было бы найти чего-нибудь такое гаденькое на ныне царствующие фамилии да содрать с них энное количество миллионов. Купить себе замок, обогатить все букинистические подвалы Европы и жить себе в погребе с винами, наплевав на все земные проблемы. Но сначала ведь найти надо...»

Через таможенный досмотр в обоих аэропортах Серж проскочил на удивление легко. На него просто не обратили внимания: рыхловатый плешивый интеллигент-очкарик с неловкими

манерами и потрепанным чемоданом ни у кого не вызвал подозрений – казалось, он органически не способен на какой-либо противоправный поступок.

Вкладывать в какое-либо предприятие свои шальные деньги архивариус не стал, поскольку был глубоко не в курсе финансово-экономических перипетий внешнего мира, расположенного за окнами его архива. Он рассчитался с Офелией, раздал долги и, припрятав основную массу долларов на чердаке – рядышком с папкой, принялся жить в свое удовольствие. Каждые полгода Серж ездил в небольшие туры по Европе и потихоньку сбывал уворованные в архиве документы. Голубая мечта о старинном замке в одной из исторических областей Австрии с роскошной библиотекой и винным погребом, увы, была несбыточной – баснословных прибылей наш историк не добыл, как ни изошрялся. Однако определенную сумму для безбедного житья в пределах России скопить ему все же удалось. Серж стал со временем размышлять, куда бы вложить свои средства, совершенно недоступные для книжного червя, и вполне приличные, допустим, даже для бизнесмена средней руки. Судите сами: триста тысяч долларов на чердаке и еще сотни полторы штук, рассованные по сервантам и банкам в кухонных шкафах, – это довольно веский повод для тревожных ночей и мрачных размышлений о нестабильной ситуации на валютной бирже.

Со временем вопрос насчет вложения средств решился сам собой. Как-то Серж встретил на набережной одного типа, который вместе с ним в школьные годы посещал драмкружок. Они не виделись очень давно, но Серж сохранил о типе самые теплые воспоминания: в отличие от основной массы, тот хорошо относился к гонимому молодым советским коллективом вундербеби и считал его гением.

– Поехали, вмажем, – пригласил тип, звали его Витя, и потыкал пальцем за спину. Серж оглянулся: сзади к ним медленно приближалась какая-то вся из себя сверкающая и нестандартная по размерам иномарка. Архивариус в машинах совершенно не разбирался, но понял – это круто.

– Куда? – поинтересовался архивариус, по-новому взглянув на старого приятеля и припоминая мельком слышанный не раз термин «новый русский»: золотыми цепями Витя обвешан не был, пальцы в гайках не страдали, но прекрасно сшитый костюм из дорогущего материала сидел на его грузной фигуре как влитой, а сытое холеное лицо излучало непоколебимую уверенность и даже какую-то тайную власть.

– Да в какую-нибудь забегаловку, – небрежно бросил Витя и повез сокружковца в «Невский палас».

На десятой минуте застолья Серж с некоторым удивлением узнал, что практически все молодые люди, которые когда-то совместно с ним посещали драмкружок, добыли себе хорошее место под солнцем и немало преуспели в этой жизни.

– Искусство перевоплощения нам привили – вот что, – авторитетно заявил Витя, с милой простотой снимая дорогую туфлю, чтобы почесать черенком вилки пятку. – Роли научили играть – и нам это нравилось. А в этой паршивой жизни очень важно уметь играть какую-то роль, когда это нужно. Вот мы и поднялись маненько – кто как мог...

Принимать алкоголь наравне с Витьком было сложно, не привык архивариус к таким перегрузкам. На сорок восьмой минуте застолья укушавшегося до галлюцинаторного состояния Сержа внезапно посетил припадок спонтанного откровения: задиристо мыча и теребя вымазанными в индеечном жиру пальцами фирменный галстук старого приятеля, он рассказал ему о своих проблемах с долларами. Полный расклад дал: с момента уворования рукописей до закладки в банку с гречкой очередной партии валюты, привезенной из последнего круиза.

– Что бумаги спер – красавчик, – похвалил Витя, снимая галстук и небрежно вешая его на плечо собеседника – один черт, тряпка безнадежно испорчена. – Что этих козлов сдал – тоже красавчик. Надо же, педофилы фуньковы – культурный фонд Родины разворовывать! Это

ж сразу мочить надо – на месте. Надо было мне звякнуть, я бы организовал – хер бы они за бугор рванули, отвечаю!

– Педофилы – это... Ммм-мых... Это не совсем то, – плавающим движением поводя рукой, поправил Серж и смутился. – Это те, которые... Ммм-мых! А я ведь тоже того... Культурный фонд...

– Но ты ж чуть-чуть, самую малость! – успокоил его Витя. – Чуть-чуть – можно. Если по чуть-чуть – это нормально. Но не так же! Не грузовиками же! Не – мочить надо было... И ты за базаром следи: чего ты первому встречному про свои бабки расклады даешь? Тебе что – жить надоело?

– Но я никому раньше... Ммм-мых! Никому! Витя! – пьяно заканючил Серж. – Я тебе первому – как старому товарищу...

– Короче – чтоб я больше таких базаров за тобой не слышал – ты меня понял? – строго условил Витя, нацелив толстый указательный палец на собутыльника. – Меньше болтаешь – дольше живешь. Не я придумал... А насчет бабок можно все устроить. Эта проблема – не проблема. Оставь себе на жизнь, а на все остальное купи недвижимость. Сейчас еще можно. Через пару лет оно подпрыгнет раз в десять, можно будет такие деньги сделать! Но смотри – сам не лезь никуда: моментом кинут, закурить не успеешь. Дай телефон, завтра созвонимся – я все устрою. Я, кстати, как раз этим и занимаюсь в последнее время...

Сержу страшно повезло – он не пострадал от своего красноречия. Несть числа примеров тому, как многие такие вот доверчивые людишки пропадали без вести за гораздо меньшие капиталы. Витя имел свои понятия о порядочности: он не стал «разводить» старого приятеля на деньги и не сообщил кому следует, что есть такой лопух, у которого можно без проблем забрать хорошую сумму «зеленью». Более того, бизнесмен то ли по старой дружбе, то ли в силу какого-то затаенного попечительского порыва решил взять на себя заботу о профанистом историке, который, вне всякого сомнения, моментально угодил бы в непредсказуемую переделку, начини он действовать самостоятельно.

На следующий день бизнесмен посетил архивариуса прямо на рабочем месте и представил ему рекомендательный список недвижимости, которую можно было хоть сегодня приобрести в объеме имеющихся у Сержа средств.

– Все сплошь – старый фонд, – пояснил Витя, постучав пальцем по списку. – С виду халупы, развалины. Потому недорого. Но все крепкое и добротное, на века строили. Сам проверял – мои инженеры там все обстукали. Забацаешь «евро» и будешь жить как король. Потом, через пару лет, загонишь за такие деньги, что можно будет сразу валить за бугор, открывать счет в «Америкэн-кредит» и покупать виллу на... где там? Ну, в классном месте каком-нибудь, короче. Выбери.

Идея насчет забугра Сержу понравилась: он пробежал глазами по списку, неожиданно озарился счастливой улыбкой и, ткнув карандашом в одно из наименований, попросил благодетеля отвезти его туда для ознакомления.

– Можно, – согласился Витя, и они отправились осматривать будущие владения архивариуса.

Просторный двухэтажный дом на набережной канала Грибоедова выглядел стопроцентной развалиной. Только-то и было дома, что толстые стены, чудом сохранившаяся черепичная крыша да перекрытия из прогнившего дерева. Серое снаружи, ветхое внутри, загаженное и сырое, на любого нормального индивида это строение производило самое гнетущее впечатление. Но только не на архивариуса.

– Брысь отседа! – гаркнул пухлый Витя на двух спавших в гостинной бомжей. – Щас взрывать будем!

Бомжи покорно убрались восвояси.

– Ну и что тебе тут? – обескураженно воскликнул Витя. – Я те отвечаю – это самый плохой вариант. Стены – да, не спорю. Цена тоже – совсем ничего. Но тут ремонту-то сколько! Все заново делать. Поехали, посмотрим другие объекты – у нас есть порядка двух десятков домов, которые в сто раз лучше этого. Поехали!

– Спасибо, не надо, – скромно отказался Серж, прохаживаясь по дому и сияя ликом, аки бриллиант в куче прошлогоднего навоза. – Этот дом – вместилище интриг и страшных тайн великой империи.

– Мочили кого-то? – деловито поинтересовался Витя.

– Этот дом принадлежал Остерману, – пояснил Серж. – На втором этаже размещалась его тайная резиденция, оборудованная специальными акустическими устройствами – Яган частенько навещался сюда по вечерам и слушал. Это, между прочим, малоизвестный факт: в официозе здесь располагался литературный салон с кофейней. В салоне, как сейчас принято выражаться, тусовался питерский бомонд, собирались весьма интересные люди – как просто талантливые деятели искусства и литературы, так и видные политические фигуры, которым было приятно скоротать вечерок в обществе Аполлоновых слуг. Они тут расслаблялись, умилялись, влюблялись, швырялись деньгами и порой несли всякую околесицу, из которой опытные люди вычленили крупницы истины. Представляешь, сколько тайн здесь было выболтано?

– Эти евреи все одним миром мазаны, – компетентно резюмировал Витя, брезгливо поддевая носком начищенной туфли какую-то проржавевшую жестянку с выпуклыми буквами. – Эти бомоны, значит, висают тут, оттягиваются... а он сечет за всеми, гада кусок, – ну, не сам, конечно, а через своих «шестерок». А потом всех сдает. Я этих евреев ужас как не люблю – их надо бы мочить, пока чего не вышло. Но я тебя не понимаю – ты хочешь взять эту розваль из-за какого-то Остермана...

– Какого-то?! – ужаснулся Серж. – Витя, да ты что? Это не какой-то Остерман! Это один такой Остерман. Андрей Иванович, вице-канцлер, могущественнейшая персоналия в истории России. И он вовсе не еврей, можешь мне поверить. Хотя в принципе в данном случае национальность роли никакой не играет – это историческая фигура вселенского масштаба. Ты про Анну Иоанновну читал?

– Я их всех в гробу видал, – уклончиво буркнул Витя – в бытность свою драмкружковцем он играл исключительно дворовых хулиганов, прислугу либо наемных убийц. – Ты что – в самом деле собрался взять эту розваль?

– Буду счастлив иметь в собственности сие вместилище вековой культуры, – отрапортовал Серж. – Куда там нужно проехать, чтобы документы оформить?

– Ну, хрен с тобой, – удрученно согласился Витя. – Но смотри – как бы тебе потом не пожалеть...

Архивариус не пожалел. Он нанял бригаду мастеров, которые принялись неторопливо реставрировать особняк. Покопавшись в архиве, Серж нашел старые архитектурные чертежи дома, возрадовался до слез и пожелал полностью восстановить первоначальный облик исторического памятника. Однако при составлении сметы совместно с бригадиром выяснилось: для полной реставрации понадобится сумма, как минимум в три раза большая той, что была затрачена на приобретение «розвали». В принципе деньги имелись, но если отдать все, на что тогда жить? Архивариус решил не впадать в уныние: он дал команду соорудить на первом этаже скромную квартирку на три комнаты, провести в нее свет и оборудовать сантехникой.

– Окна в остальных помещениях заколотить досками, черный вход заложить, на парадный навесить металлическую дверь, – завершил свое распоряжение Серж. – Буду жить тут. А как денег скоплю побольше – продолжим...

Вскоре оборудование квартиры было завершено, Серж переехал в новые покои и зажил в свое удовольствие. Не желая обременять себя мелкими житейскими проблемами, он нанял домработницу на две семьи: в понедельник, среду и пятницу бойкая пенсионерка тетя Груша

наводила в квартире архивариуса порядок, стирала и готовила пищу впрок, а два раза в неделю наведывалась к бабке с матерью и соответствующим образом их обслуживала – с возрастом Марье Петровне было все труднее поддерживать квартиру в порядке и ухаживать за невменяемой дочуркой.

С течением времени жизнь Сержа наладилась и вошла в определенное русло: во многом благодаря Вите, который, будучи сам из породы хищников, на удивление тепло и сострадательно относился к архивариусу, считая его, по всей видимости, непризнанным гением. Витя организовал для приятеля совершенно неожиданный вид бизнеса: составление родословных для «новых русских».

Дело это было новое и поначалу вызвало у нашего знатока истории некоторое душевное смятение. Приезжал, допустим, какой-нибудь Петя Полупездов из Гукова – по рекомендации Витьки, естественно, – и застенчиво просил отыскать в глубине истории России затерявшийся след его знатного рода. Он-де слышал от некоего Облапупенкова, что прапрапрабабушка его по папиной линии происходила то ли от князей Оболенских, то ли еще от каких-то там графьев хрен-знает-как-их. В общем, нужно восстановить генеалогическое древо да подкрепить это древо какими-нибудь официальными документами. А за это нате вам две штуки баксов. Ну а ежели древо выйдет классное: толстое и ветвистое, то будет доплата – еще штука. А то нехорошо получается: пивзавод есть, две заправки, пять «мерсов» есть, счета в каких-то там нерусских банках, а происхождение немного подкачало. Ну разве может такой замечательный человек иметь обычные рабоче-крестьянские корни? Неправильно это!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.